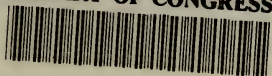

PG 3311

.B6 D8

1830

LIBRARY OF CONGRESS

00004093690

Возданов, Ирролит
.. Федорович

80864.
Л. С.
73896
79

ДУШЕНЬКА,
ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,
ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ
Языковъ.

1830.

PG 3311
B⁶ D⁸
1830

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.
Москва, Іюня 2, 1830 года.

Ценсоръ Ситъиревъ.

104837

'97.

88-131919
34-15-88

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнѣйшимъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать Душеньку; а потомъ общее единомыслие земцовъ благосклонное о вкусѣ забавъ моихъ мнѣніе заставило меня опдѣлать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и письменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Пріемля ихъ съ должною благодарностію, не пишаюсь самолюбіемъ столь много, чѣмъ не могъ возчувствовать моего недостатка при выраженіяхъ одного неизвестнаго, которому въ вѣжливыхъ

277

спихахъ его угодно было сочиненіе ,
Душеньку, назвать пвореніемъ самой
Душеньки. Предки мои, служивъ вѣрою
и правдою Государю и Опечеспву, съ
проспымъ въ Дворянствѣ добрымъ
именемъ , не оставили мнѣ примѣра
возвеспи себя выше обыкновенной
плѣнности челоѣческой. Я же , не
будучи изъ числа учрежденныхъ Пи-
сателей, чувспвую, сколько обязанъ
многихъ людей благодушію, копорымъ
они замѣняютъ могущія вспрѣпиться
въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

И. Богдановичъ.

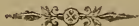

С Т И Х И

НА ДОБРОДѢТЕЛЬ ХЛОИ.

*Красота и Добродѣтель
Изъ вѣковъ ильпли споръ ;
Свѣтъ не рѣдко былъ свидѣтель
Ихъ соперничествъ и ссоръ.
Хлоя! ты въ себѣ являешь
Новый двухъ вещей союзъ :
Не манишь, не уловляешь
Въ плѣнъ твоихъ пріятныхъ узъ;
Кто же хочетъ быть свидѣтель
Покоренія сердецъ,
Хлоинныхъ красотъ видѣцъ
Самъ узнаетъ наконецъ,
Сколь любезна Добродѣтель !*

Hand

Hand

ДУШЕНЬКА, ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумъ вѣчныхъ ссоръ кончали дни Герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украшешь пѣснь мою,
Кошору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди опъ мѣсць тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня швой жаръ, и разумъ мой осмѣль
Коснусь счастья селений благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скуки веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ шуманился и кроется опъ глазъ,
Яви попоки мнѣ чудесной Ипокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ
Опъ взора швоего распавалъ не разъ.
Съ тобою пѣжные присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ опъ мѣсць, гдѣ ты, докучные Сапиры,

Хулы и критики, и грусти, и бѣды;
 Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды :
 Веселья морщатся, Амуры плачущь сирь.

О ты, пѣвецъ боговъ,
 Гомеръ, овецъ спиховъ,
 Двойчатыхъ, равныхъ, спройныхъ,
 И къ пѣнію пристойныхъ !
 Прости вину мою,
 Когда я формой спрокъ себя не безпокою
 И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не спрою.
 Черты, безъ равныхъ спонъ по вольному покрою,
     На разный образецъ крою,
     И малой мѣры, и большія,
     И часто рѣмы холоспыя,
 Безъ сочепанія законнаго въ спихахъ,
     Свободно спавлю на концахъ.
     А ещѣли опъ того устану,
     Безпрудно и опважно спану,
 Забывъ чернилъ и перьевъ спрахъ,
 Забывъ сапиръ и крипикъ грозу,
 Писать безъ рѣмъ, иль просто въ прозу.
     Любя свободу я мою,
     Не для похвалъ себѣ пою;
 Но чѣмъ въ часы прохладѣ, васелья и покоя,
     Пріятно разсмѣялась Хлюя.
 Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фоншень,
     На вѣчну память ихъ именъ,

Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,

Другимъ языкомъ съ нами.

Въ сей повѣсти они

Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили ;

Перомъ ихъ, кажется, чпо Граціи водили ,

Иль сами Граціи писали по один.

Но есѣли подражать ихъ слогу не возможно ,

Попущусь за ними въ слѣдъ, хопя въ чертахъ про-
спыхъ ,

Тому подобну пѣнь представивъ оспорожно

И въ повѣсть иногда вмѣшивъ забавный стихъ.

Въ старинной Греціи, въ Юпитерова время ,

Когда размножилось власпипельное племя ,

Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь ,

И есѣли пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олшарь.

Межъ многими Царямъ

Одинъ опличенъ былъ

Числомъ военныхъ силъ ,

Умомъ, лицомъ, кудрами ,

Избыткомъ живошовъ ,

И хлѣба и скошовъ.

Бывали шамъ сосѣди,

И злы и алчны пакъ, какъ волки иль медвѣди :

Извѣстенъ Ликаонъ ,

Копорого писалъ испорію Назонъ ;

Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ ,

За хищныя дѣла и за кривые толки

Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.

Но пошъ, о комъ хочу рассказывать теперь,
 Ни образомъ своимъ, ни правомъ не былъ звѣрь:

Онъ свѣту былъ полезенъ,
 И былъ богамъ любезенъ;
 Достойно награждалъ,
 Достойно осуждалъ;

И естѣли находилъ въ подсудныхъ звѣрски души,
 Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
 Инымъ сурову щепъ, съ когтями въ прибыль ногъ,
 Инымъ ревучій звѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.

Онъ ѣдкой древности, копора былъ грошаеиъ,
 Архива многихъ дѣлъ давно изпреблена;
 Но образъ правъ его сохранно почищаетъ
 И самый поздний свѣтъ, по наши времена.
 Зависнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣсно, въ помъ
 труждаешься,

Чтобъ щастіе другихъ
 Скучало взорамъ ихъ,
 И не моглибъ они покоемъ наслаждаться.
 Скупымъ опредѣлилъ у золоша сидѣть,
 На золошо глядѣть
 И золопомъ прельщаться,
 Но имъ не насыщаться.

Списнымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
 И ихъ попомкамъ въ казнъ давалась та же спесь,
 Какая видима осталась и поднесъ.

Велѣлъ, чѣмъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и льщеніемъ.

Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противившую харю,
Какая изъявлялъ клеветующихъ могла.

Такая видима была
Не въ давнемъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на Маслѣной, въ шоржесственномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

И словомъ,
Въ своемъ успавѣ новомъ
Велѣлъ, чѣмъ обще всѣ злоправны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колаки,
По конемъ ихъ тогда скорѣе узнавали

И прочь отъ нихъ бѣжали.
По доброму суду, успавъ сей былъ не спрогъ

И правился народу,
Которой въ дѣло чинить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.

Овидій, живыхъ лѣтъ попомощвенный писатель,
Который истину не рѣдко обнажалъ,
Овидій, въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
Подробно описалъ,

У Грековъ какъ дополь бывали казни часты.
 Преобращенные шогда въ быковъ Церасты,
 Цекроповъ цѣлой родъ, за злобу и обманъ,

Во спадо обезьянъ,

Льсписы, за низоспъ душъ, въ лягушки,
 Непоспоянные въ верпушки,

Болпливые въ сорокъ,

Жеспокосердые во мраморной кусокъ,

Таншаль, Сизифъ и Пксіона,

За алчу злобу ихъ,

На вѣчной ссылкѣ у Плупона,

И множество другихъ

Почли бы всѣ себѣ за милоспъ и за ласки,

Когда бы только Царь,

Дурную въ свѣспъ тварь,

Рядя въ дурныя маски,

Наказывалъ спыдомъ.

Такая нова власпъ, безъ дальней людямъ казни,

Держала всѣхъ въ боязни;

И добрый Царь припомъ

Друзей изъ доброй воли

Откушати хлѣба соли

Зывалъ въ свой Царскій домъ.

О есплибъ ты, Гомеръ, проспунся!

Храпя твоихъ Героевъ честъ,

Копиоры, забывая меспъ,

Любили часто пить и тспъ;

Тыбѣ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
 Что, слабый будучи пѣвецъ,
 Тебѣ дерзнулъ я наконецъ
 Подобиться, стиховъ отецъ!
 Возможно ль изъяснить достойно
 Великолѣпіе шировъ
 У Царскихъ Греческихъ дворовъ,
 О конхъ пы писалъ шоль спройно?
 Я шолько лишь могу сказать,
 Что Царь любилъ себя казать,
 Иныхъ хвалилъ, иныхъ плазатъ,
 Поѣсать, попитъ и послѣ спать.
 А за шакое хлѣбосольство,
 И болѣе за доброй нравъ,
 Опѣ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
 Явилоса къ нему посольство.
 Особо же онъ былъ опличенъ изъ Царей
 За то, что прехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей.

Но солнце въ красотѣ своей
 Когда вселенну освѣщаетъ,
 Луну и звѣзды помрачаетъ:
 Подобно шакъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
 И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
 И розы красоту, и бѣлизну лилей,
 И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
 Природа шикогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
 Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
 Блистало столь опмѣнно,
 Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
 Короче я скажу: меньшая Царска дочь,
 Опъ коей многіе вздыхали день и ночь,
 У Грековъ пошому Психея называлась.
 Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
 Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
 А послѣ, въ повѣстіяхъ старинныхъ знапоковъ,
 У Рускихъ Душенька она именовалась;
 И пишутъ, что тогда
 Изыскано не безъ труда
 Къ ея названію приличнѣйшее слово,
 Какое было ново.
 Во славу Душенькѣ, у насъ опъ тѣхъ временъ
 Поспавлено оно народомъ въ лексиконъ
 Между пріятнѣйшихъ именъ,
 И ушвердила то Любовь въ своемъ законъ.
 Но часно похвалы
 Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
 Презорна спѣсь не любитьъ,
 Когда повсюду трубитьъ
 Прямую правду въ слухъ
 Болтливая богиня Слава.
 Чужая честь, чужія права
 Завиславныхъ перзаютъ духъ.

Такая, Душенька, была твоя прослуга,
 Какъ весь Циперскій міръ и вся его округа,
 Оставляя древнее прекрасно божество,

Тебя особо обожали,

И всѣ къ тебѣ бѣжали

Твое умножить порожество.

Соперницы своей не знала ты печали!

Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,

Оставивъ прелести Венеры,

Бѣжишь толпою изъ Циперы.

Богиня, обпекая дворъ,

Куда ни обращаетъ взоръ,

Не зришь ни жерствъ, ни олимпіамовъ;

Жрецы тогда спада пасли,

И множество Циперскихъ храмовъ

Травой и лѣсомъ поросли.

Сады богини сиропѣли,

И домъ являлъ опальный видъ;

Зефиры изрѣдка свистѣли:

Казалось ей, свистѣли въ спыдѣ.

Непостоянные Амуры,

Изъ храма прелепая въ храмъ,

Къ унымой пуспоть Натуры

Не возмogli привыкнутьъ тамъ.

Откуда всѣ лепѣшь хотѣли,

И всѣ вспорхнули, возлѣпѣли

За Душенькою въ новый путь,

Искашь себѣ свободной цѣги,

Куда Зефиры спали дуть ,
 Куда текли небесны бѣги.
 Оставшихъ малое число ,
 Крехтя подъ игомъ колесницы
 Скучающей своей Царицы ,
 Вездѣ уныніе несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
 Узнала наконецъ богиня красоты ,

Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ ,
 Причину вкругъ себя и сукъ и пуспоты.
 Хоть Душенька гнѣвишь не мыслила Венеру ,
 Къ достоинству богини имѣла должну вѣру ,
 Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.

Припомъ злорѣчивые духи,
 О ней худые сѣя слухи,
 Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла ;
 И конъ милостей иль ждали, иль просили,
 Во угожденіе богинѣ доносили,
 Что будно Душенька, въ досаду ей и въ зло,
 Присвоила себѣ Циперскихъ слугъ число ;

И что кому угодно,
 Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно.

Но чѣмъбы дѣломъ месить
 Надъ нею произвесить ,
 Собравъ Венера ложъ и всяку небылицу,
 Велѣла наскоро въ дорожку колесницу
 Шеснадацать почтовыхъ Зефировъ заложить ,
 И наскоро летѣвшихъ Амура павѣстивъ.

Чишатель самъ себѣ предспавишь по удобно,
 Просила ли его иль такъ, или подобно,
 Пришедъ на Душеньку просишь и доносишь:

»Амуръ, Амуръ! вступишь за честь мою и славу,
 »Яви свой судъ, яви управу.

»Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:

»Прослая смертная, ругаяся богами,

»Не сгавишь ни во что швою безсмертну мать;

»Уже и нашими слугами

»Осмѣлилась повелѣвать,

»И въ обласняхъ моихъ надъ мной поржеспвовашъ;

»Могу ли я сносишь и видѣшь равнодушно,

»Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?

»За ней гоняся, опъ насъ опходяптъ прочъ

»Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,

»И скоро Душенькѣ послушны будутъ мѣры.

»Юпиерь самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,

»И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:

»Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,

»Забывъ Юноны и вѣрносшь и услуги!

»Какой ты будешь богъ, и гдѣ швой будешь шронъ,

»Когда опъ нихъ другой родится Купидонъ,

»Копорый у тебя опыметъ лукъ и стрѣлы,

»И нагло покоришь подвлашны намъ предѣлы!

»Ты знаешь, сколь сыны Юпиеровы смѣлы:

»По волѣ ходяптъ въ небеса,

»И всякія шворяптъ на свѣтѣ чудеса.

За дерзость Душеньку порядкомъ поспра-
щать.

Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись,
 Веселья ахнули, и Смѣхи содрогнулись.
 Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,
 Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла:
 Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
 Сама рядила путь во оспровъ свой обратню,
 И для отличности такого поржества,
 Явила пусть себя во славу божества.
 Оспавлена была воздушна колесница,
 Которую везла крылатая спаница,
 Съ прохладнымъ воздухомъ, порозжую назадъ.
 Богиня, учредивъ спаришнй свой парадъ
 И въ раковину съвъ, какъ пишупъ на карпинахъ,
 Пущилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, проспря свой власшнй взоръ,
 Подвигнулъ весь Непшунувъ дворъ.
 Узря Венеру, рѣзвы волны
 Текупъ за пей, весельемъ полны.
 Трипоновъ водяной народъ
 Выходипъ къ ней изъ бездны водъ,
 Иной вокругъ ее пыряешъ
 И дерзки волны усмиряешъ;
 Другой, крушясь во глубинѣ,
 Сбираешъ жемчуги на днѣ,
 И все сокровища изъ моря
 Тащипъ повергнувъ ей къ стопамъ.
 Иной, съ чудовищами споря,
 Препишъ касаться симъ мѣстамъ;

Другой, на козлы съѣвъ проворно,
 Со встрѣчными брашися вздорно,
 Раздапся въ спороны велипъ,
 Возжами гордо шевелипъ,
 Отъ камней далъ пупъ свой правипъ
 И дерзоспныхъ чудовищъ давипъ.
 Иной, съ презубчапымъ жезломъ,
 На кишъ впереди верхомъ,
 Гоня далече всѣхъ съ дороги,
 Вокругъ кидаетъ взоры спроги,
 И чшобы всякъ по вѣдапъ могъ,
 Въ коральной громко прубипъ рогъ;
 Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
 Успѣвъ приплыпъ къ богинѣ сей,
 Несетъ опломокъ горъ хрустальныхъ
 На мѣсто зеркала предъ ней.
 Сей видъ пріятность обновляетъ
 И радостъ на ея челъ.
 О, естлибъ видъ сей, онъ выщаетъ,
 Остался вѣчно въ хрусталь!
 Но щедно по Трипонтъ желаетъ;
 Изчезнетъ сей призракъ, какъ сонъ,
 Останется одинъ лишь камень,
 А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
 Которымъ выпунъ плѣетъ онъ.
 Иной, приславъ къ богинѣ въ сенишу,
 Отъ солнца спавипъ ей защиту
 И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
 Пуская къ верьху водный ключъ.

Сирены, сладкія пѣвицы,
 Межъ шѣмъ поютъ сплхн ей въ чеспѣ,
 Мѣшаюшъ съ быльми небыллицы,
 Ее спараясь превознесшъ.
 Иныя передъ нею пляшущъ,
 Другія во услугахъ шущъ,
 Предупреждая всякой прудъ,
 Богиню опахаломъ машущъ;
 Другіяжъ, на спруяхъ несясь,
 Пышашъ въ прудахъ по почпѣ скорой
 И опъ луговъ, любимыхъ Флорой,
 Подносяшъ ей цвѣпочну вязъ.
 Сама Ѳешида ихъ послала
 Для малыхъ и большихъ услугъ,
 И только для себя желала,
 Чпобъ дома былъ ея супругъ.
 Въ благопріятнѣйшей погодѣ
 Не смѣюшъ бури шамъ приспапъ;
 Одни Зефиры лишь въ свободѣ
 Венеру смѣюшъ лобызашъ.
 Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
 Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
 Лешашъ обратно бѣглецы,
 Зефиры, древни наглецы;
 Иной власы ея взвѣваешъ,
 Межъ шѣмъ открывъ прелеснну грудь,
 Переспашъ на время дущъ,
 Власы съ досадою опускаешъ,

И съ ними спутавшись лепишъ.
 Другой, певѣдомымъ языкомъ,
 Со вздохами и пѣжнымъ крикомъ
 Любовь ей на ухо свисшишъ.
 Иной, пытаясь безъ надежды
 Сорвашь покровъ другихъ красотъ,
 Въ сердцахъ вершишъ ся одежды,
 И падаетъ безъ силъ средъ водъ.
 Другой въ успа и въ очи дуешъ,
 И ихъ украдкою цѣлуешъ.
 Гонясь за нею волны памъ,
 Толкающъ въ ревности другъ друга,
 Чпобъ, вырвавшись скорый изъ круга,
 Смирению пасъ къ ея ногамъ;
 И всъ въ усердіи Венеру
 Желаютъ провожатъ въ Циперу.

Не въ долгомъ времени пришла къ богинѣ вѣсть,
 Которую Зефиръ спѣшилъ скорый принесть,
 Что бѣдство Душеньки переходитъ всяку вѣру,
 Что Душенька уже оставлена опъ всѣхъ,
 И чпо вздыхатели, какъ будпо ей въ посмѣхъ,
 Опъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
 Или къ опцу ея во дворъ хопя являлись,
 Однако въ Душеньку ужъ болъ не влюблялись,
 И къ ней не подходили вблизи,
 А только издали ей низко поклонялись.
 Такой чудесъ прескращенный родъ
 Смушилъ во Греціи народъ.

Бывали тамъ попопы, моры,
 Пожары, хлѣба недородъ,
 Войны и внутренни раздоры;
 Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
 Сказатели различныхъ сновъ,
 И вопрошатели боговъ
 О томъ имѣли разны споры.
 Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
 Другой сулилъ папасни скоры.
 Иной, папушавъ много вракъ,
 Не сказывалъ ни такъ ни сякъ;
 Но всѣ согласно утверждали,
 Что чудъ подобныхъ не видали
 Во Греціи сначала въкъ.
 Простой народъ тогда въ печали
 Къ Венерѣ вопіять припекъ:
 За что судьбы къ народу гнѣвы?
 За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны?
 Извѣстно, что ея ошмѣнная краса
 Протививъя тому являла чудеса.
 Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:
 Явила Греціи сокрытую причину,
 За что Царева дочь теряетъ прежнюю честь;
 За что проливъ себя воздвигла вышнюю мѣсть,
 И съ видомъ грознымъ и суровымъ
 Царевымъ сродникамъ велѣла бытъ гошовымъ
 Еще къ несчастьямъ новымъ,
 Предвозвѣщая имъ на будущіе дни

Бѣды и спрашны муки,
Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки.

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры!
И всѣ въ единый гласъ
Богинѣ на отказъ
Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея алтарь,
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ, не дослушавъ, такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда во стыдъ богинѣ ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть, и мстятъ
Ея умножатъ честь.
Царевнѣ жъ тѣ слова хощя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,

Но впайниѣ часто унывала,
 Себя несчастной называла
 И часто, въ горестныхъ слезахъ,
 Къ Амуру вопіяла:

»Амуръ, Амуръ, веселій богъ!
 »За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
 »Давно ли всѣ меня искали?
 »Давно ли всѣ меня ласкали?
 »Въ побѣдахъ я вела часы,
 »Могла плѣнять, любить по волѣ;
 »За что теперь въ несчастной долѣ?
 »Къ чему полезны мнѣ красы?
 »Бѣднѣйшая въ поляхъ паспушка
 »Себѣ имѣетъ паспуха:
 »Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
 »Не бывъ дурна, не бывъ лиха!
 »Одной ли мнѣ любить зазорно?
 »Но если щастье полъ упорно,
 »И такъ судили Небеса,
 »То лучше мнѣ иди въ лѣса,
 »Оспавишь всѣхъ людей опнынь,
 »И кончишь слезу жизнь въ пустынь!»

Межъ тѣмъ какъ Душенька, тая свою печаль
 Опъ всѣхъ своихъ родныхъ, уйми собиралась вдаль,
 Они ея бѣдой не менѣ крушились,
 И сами ей вездѣ искали жениховъ;

Но всюду женихи спрашились
 Гнѣвить Венеру и боговъ,
 Которы видимо пропиву согласились.
 Никто на Душенькѣ женишься не хопѣлъ,
 Или никто не смѣлъ.
 Впослѣдокъ сродники совѣповавъ рѣшились
 Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
 Оракуль далъ отвѣтъ въ порядочныхъ спихахъ,
 И къ нимъ жрецы-пророки
 Прибавили еще свои для полку спрокн;
 Но шѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безполковъ,
 И слово въ слово былъ шаковъ:
 »Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
 »Есть то чудовище, которе всѣхъ язвитъ,
 »Смущаетъ обласпи и часпо ихъ крушитъ,
 »И часпо рветъ сердца, пиная слезами,
 »И спрашныхъ стрѣлъ колчащ имѣетъ на плечахъ:
 »Спрѣляетъ, раниитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
 »Коль хочетъ, на землѣ, коль хочетъ, въ небесахъ,
 И самый Спиксъ ему пупей не преграждаетъ.
 »Судьбы и боги всѣ, опредѣляя пакъ,
 »Сыскашъ его даюшъ особо вѣрной знакъ:
 »Царевну пусть везушъ на самую вершину
 »Невѣдомой горы, за тридесять земель,
 »Куда еще никпо не хаживалъ досель,
 »И тамъ ее одну оставяшъ на судьбину,
 »На радость и на скорбь, на жизнь и на кон-
 чину.«

Такой опвѣтъ весь дворъ въ болзнь и скорбь
привелъ,

Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ.

О праведные боги!

Возможно ль, чѣобы вы полико были спроги?

И еспли въ помѣ какая спашь,
Чѣобъ Душеньку навѣкъ чудовищу опдашь,
Къ которому никто не вѣдаешъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;

И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищъ злыхъ привязки,
И лютой смерщи спрахъ,
Иль въ лапахъ, иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.

Отъ пашекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Копоры широко горчани развѣваютъ,
И чѣо припомѣ у нихъ выдаютъ
И семь головъ, и семь роговъ,
И семь, иль болѣе хвостовъ.

Отъ спраховъ таковыхъ родные возмущались;
Попомѣ, безъ дальныхъ словъ,

Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣ прощались.
Не знали только, гдѣ была бы та гора,
Къ которой Душеньку опправишь надлежало;
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало,

Въ которой споронъ? далече ль отъ двора?

Въ какую тамъ явисься пору,

И какъ зовуть такую гору?

Синай, или Ливанъ, или Тавръ, или Кавказъ?

И кон въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,

Догадываясь мнили,

Что должно ѣхать ей конечно на Парнассъ.

Они слышались, что нѣкоторы Музы

Имѣли съ ней союзы;

Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,

И таинства красотъ ПарнаССкихъ разумѣть;

Но тѣ, которые Историю читали,

Противу предлагали,

Что Музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ вѣкъ,

И никакой шуда не ходитъ человекъ,

Что тамъ не лзя найти ей мужа,

Къ тому жъ отъ Сѣвера бываетъ часто спужа,

И у Каспальскихъ водъ,

Хоть тамъ дороги святы,

Не рѣдко замерзалъ народъ.

Шые, изобравъ жарчайшіе климаты,

Хотѣли Душеньку во Африку везти,

Гдѣ вѣдали, что есть чудовища въ чesпи;

При томъ, следуя Оракулову гласу,

Хотѣли именно везти ее къ Апласу,

Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,

Издревле множествомъ прославилась чудесъ;

И мнили, что, по сей примѣль,
 Оракулъ почто такъ сказалъ въ своемъ отвѣсѣ.
 Тогда смѣльшіе изъ плачущей родни
 Предсавили, храня ея цвѣшущи дни,
 Что Душеньку легко памъ могушъ змѣнъ скушашъ,
 Что въ помъ Оракула никакъ не должно слушашъ;
 И громогласно всѣ, безъ дальнаго суда,
     Воскликнули тогда,
 Что участь Душеньки Оракулъ самъ невѣдитъ,
     И что Оракулъ бредитъ.

Въ Совѣтъ наконецъ
 Родня Царевнича, и паче Царь отецъ,
 За лучше спавили, боговъ прошивасъ власни,
 Терпѣшъ гоненія и всякія напасти,
     Чѣмъ Душеньку везши
     На жертву безъ пуги.
 Но Душенька сама была великодушна,
 Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
 Иль мѣжетъ бытъ и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
 Она, прискучивъ жѣтъ съ родными безъ супруга,
 Искала наконецъ себѣ такоа друга,
     Кипобъ ни былъ, гдѣ нибудь;
 И чтобъ роднымъ была видна ея услуга,
 Въ рѣшительныхъ словахъ сама сказала имъ:
 »Я васъ должна спасашъ нещасіемъ моимъ.
 »Пускай свершается со мною вышня воля;
 »И естли я умру, моя такаа доля.«

Межъ тѣмъ, какъ Душенька выдала такъ опцу,
 И Царь и весь Совѣтъ пустились плакать снова,
 И въ скорби не могли тогда промолвить слова,
 Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
 Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
 Впервые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу могъ:
 Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
 И память поперявъ, валялась какъ безъ ногъ,

Иль въ горести, теряя мѣру,
 Ругала всячески Венеру;
 Иль крѣпко въ руки ухватя
 Свое любезное дитя,
 Кричала громко предъ народомъ,
 И всѣмъ своимъ клялася родомъ,
 Доколь она жива,

Не спавишь ни во что Оракула слова;
 И что ни для какого чуда
 Не пустишь дочери опшуда.

Хотяжъ кричала то во всю горпанну мочь,
 Однако вопреки Амуръ, Судьбы, и Боги,
 Оракуль, и жрецы, родня, отецъ и дочь,
 Велѣли сухари гоповишь для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ
 Оракуль въ Греціи столь много починчался,
 Чпо каждый исполнять слова его старался,
 И самъ искалъ себѣ предназначенныхъ бѣдъ,
 Дабы сбывалось то неложно,
 Чпо только предсказанъ возможно.

Царевна оставляетъ градъ ;
Въ дорогу сказаиъ былъ нарядъ.

Куда? Опъ всѣхъ по было тайно.

Царевна наконецъ умоиъ

Рѣшила неизвѣстность въ поиъ,

Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ

Она рѣшила обычаино ,

Сказала всей роднѣ своей,

Чтобъ, только въ путь ее прилично спарядили,

И въ колѣсницу посадили ,

Пустя по волѣ лошадей ,

Безъ кучера и безъ вождей ;

»Судьба, сказала, будетъ править,

»Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ

»Къ жилищу радостей, или бѣдъ ,

»Гдѣ должно вамъ меня оставишь.»

По таковымъ ея словамъ ,

Не долго были сборы тамъ.

Готова колесница ,

Готова Царска дочь, и вмѣстѣ съ ней Царица ,

Котора Душеньку, не могли удержать,

Желаеиъ провожаиъ.

Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда :

Везуиъ ее безъ поводовъ ,

Везуиъ съ двора, везуиъ изъ града ,

И наконецъ везуиъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, коропкѣй, или дальный,

Устроениъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.

Шестнадцать челоѡкъ несли вокругъ свѣчи
 При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи;
 Шестнадцать челоѡкъ, съ печальною музыкой,
 Унывный пѣли стихъ въ протяжностн великой;
 Шестнадцать челоѡкъ, немного тѣхъ позадъ,
     Несли хрустальную кровать,
 Въ которой Душенька любила почивать;
 Шестнадцать челоѡкъ, поклавши на подушки,
 Несли Царевнины памбуры и коклюшки,
 Которы клала тамъ сама Царица мать,
 Дорожный шуалетъ, гребенки и булавки,
 И всякія къ тому попребныя прибавки.
 Потомъ въ парадъ шель жрецовъ усатыхъ полкъ,
 Стихи Оракула пеля передъ собою.
 Тутьъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный
     полкъ,
 И всякъ желалъ припомъ скорѣй дойти къ покою.
 За ними шель сигклипъ и всякъ высокій чинъ;
 Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
 Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
 У ногъ ея споялъ серебряный кувшинъ;
 То былъ плачевный урнъ, какой спаринны Греки
 Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
 Опецъ со ближними у колесницы шель,
     Боговъ прося о всякомъ благѣ,
 И предаъ Судьбамъ расправу царскихъ дѣлъ,
 Свободно на пути въдыхалъ при каждомъ шагѣ.
 Взирая на Царя, опъ всѣхъ споронъ народъ

Толпился близко колесницы,
 И каждый до своей границы
 Съ Царевной шелъ въ походъ.

Иные хлпали, другіе громко выли,
 Не вѣдая, куда везунтъ и дочь и мать;
 Другіе же по виду миши,
 Чпо Душеньку везунтъ живую погребать.

Иные по пупи сорили
 Предъ нею въпви и цвѣпы,
 Другіе шунтъ же гимны пѣли,
 Прилично славя красоты,
 Какія въ первый разъ узрѣли;

Другіежъ божествомъ
 Царевну называли,
 И возвращая въ домъ,
 За диво возвѣщали.
 Вотще жрецы кричали,
 Чпо та Царевнѣ чеснъ
 Прогнѣвастъ Венеру,
 И слѣдуя манеру,
 Толчкомъ, и какъ ни естъ,
 Хотѣли прочь отвеснъ
 Народъ оптъ сей напастн;
 Но всѣ, пропнву власнн,
 Забывъ Венеры вредъ.
 И всю возможность бѣдъ,
 Толпами шли насильно
 За Душенькою въ слѣдъ
 Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько пядей,
 Проѣхали они за придевяшь землю;
 Но ни единого пригорка не видали,
     И конь болѣе успали,
     Со всякой бранью возроптали,
     Что шли, куда, не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи пушемъ и вдоль и вкругъ,
 Къ одной горѣ они лишь только подступили,
 Тутъ сами лошади остановились вдругъ,
 И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
 Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили;
 Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
 И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
 На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
 Оставивъ Душеньку у неба подъ покровомъ.
 Вручаютъ всѣ ее хранителямъ богамъ,
 Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
     Гдѣ знака нѣтъ дороги,
 Едва подъемля вверхъ свои успалы ноги,
 Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки рвы,
     Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни правы,
     Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
 И хоть жрецы людей къ отвагѣ
 Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ;
     Но всѣ, при каждомъ шагѣ,
     Встрѣчали новый страхъ:
     Ужасныя нещеры,

И къ верху крупизны,
 И къ безднѣ глубины,
 Безъ вида и безъ мѣры.

Инымъ являлись шамъ Мегеры,
 Инымъ летучи Дромадеры,
 Инымъ Драконы и Церберы,
 Копоры ревами, на разные манеры,
 Глушили слухъ,
 Мушили духъ.

Таковъ былъ пущь, куда Царевна поропилась,
 Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехшя полпилась
 Оспалась позади одна Царица мать,
 Не могли далѣе полугоры шагашъ,
 И съ Душенькой павѣкъ, поплакавъ шамъ, проспи-
 лась.

При трудносняхъ шогда Царевнина кровашъ
 Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
 И многіе отъ спрахъ пущь,
 Имѣя многой трудъ,
 Не мало шапокъ поропяли,
 Копоры на подхвапъ Драконы пожирали.
 Иные по кустамъ одежды изодрали,
 И нагопы имѣя видъ,
 Едва могли прикрыпъ ошъ глазъ спороннихъ спыдъ.
 Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,
 И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
 Но можно ль описашъ перомъ
 Царя шогда съ его дворомъ,

Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
 Чиститель самъ себѣ предсавишь по уму.
 Я только лишь скажу, что съ нею всѣ проспир-
 лись ;

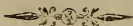
И напоследокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
 Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.

Тогда и дневное свѣшило ,
 Смогля на горестъ сихъ разлукъ,
 Казалось, будто сократило
 Обыкновенный въ міръ кругъ ,
 И въ воды спрятався свѣшило.

Тогда и ночь ,

Одну увидѣвъ Царску дочь ,
 Покрылась чернымъ покрываломъ ,

И помнѣйшимъ лучемъ едва свѣпящихъ звѣздъ ,
 Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣсѣдъ.
 Тогда и Царь скорый предпринялъ свой опѣздъ ,
 Не вѣдая конца за полъ слѣпымъ началомъ.

ДУШЕНЬКА, ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черпы
Предсавишь спрахъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ опца, безъ матери, безъ рода,
И, словомъ, вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тупъ все, что Царска дочь опъ пллюшекъ слы-
хала

И что въ чудесивѣйшихъ испоріяхъ читала,
Предсавилось ея смущенному уму.
Спрашилища Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ шамъ смертей являли ей признаки,
И мрачней ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва успа свои открыла
Промолвишь жалобу, не высказавъ кому,
Какъ вдругъ чудесна сила,
На крылахъ въшреннихъ внесла ее надъ міръ.

Невидимый Зефиръ,
 Ея во оный часъ щасливый похипишель,
 И спутникъ и хранишель,
 Неслышанну дополь увидѣвъ красоту,
 Запомнилъ Душеньку увѣдомишь сначала,
 Что къ ней щедрошна власть тогда повелѣвала
 Ее съ почщеніемъ восхищать въ высоту;
 И мысли устремивъ къ особенному диву,
 Вздѣвалъ лишь только ей покровы на лешу.
 Увидя жъ Душеньку опъ страха еле живу,
 Оставилъ свой воспоргъ и страхъ ея пресѣкъ,
 Сказавъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
 Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
 Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;
 Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги;
 Что къ ней полки Духовъ
 Назначены въ услуги,
 И что онъ самъ упасъ къ ногамъ ея готовъ,
 И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
 Амуры, кои шутъ Царевну окружали,
 И усмъ улыбками и радостными очесъ,
 Ошвсюду шъ слова согласно подтверждали.
 Не въ долгомъ времени Зефиръ ее вознесъ
 Къ незнаемому ей селенію небесъ,
 Поспавилъ средъ двора, и вдругъ опшоль исчезъ.
 Какая Душенькѣ явилась шма чудесъ!
 Сквозъ рощу миртовыхъ и пальмовыхъ деревьевъ
 Великолѣнные представились чершogi,

Блестящіе среди безчисленныхъ огней;
 И всюду розами усыпанны дороги;
 Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней,
 И съ нѣкимъ чувствіемъ ея лобзаютъ ноги.
 Порфирныя врата, съ лица и со споронъ,
 Сафирные столпы, изъ яхонта балконъ,
 Злашые куполы, и спѣсны изумрудны,
 Просшому смершному должны казаться чудны;
 Единымъ лишь богамъ сіи дѣла не трудны,
 Таковъ открылся путь, чипашель, примѣчай,
 Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пусыни
 Она, во образъ лепящей вверхъ богини,
 Нечалнно бзнеслась въ прекрасный нѣкій рай.
 Въ надеждѣ на боговъ, бодряся ихъ признакомъ,
     Едва она ступила разъ,
     Бѣгушь на встрѣчу къ ней топчасъ
 Изъ дому сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ;
 Опъ спаралися приходъ ея сперечь;
 И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей покло-
   номъ,
 Опъ имени подругъ, почшипельнѣйшимъ пономъ
 Сказала должную привѣшспвенную рѣчь.
 Лѣсные жишли, своимъ огромнымъ хоромъ,
     Потомъ пропѣли раза два,
 Какія слышали, похвальны ей слова,
 И къ ней служилъ лепяшъ Амуры всѣмъ собо-
   ромъ.
 Царевна ласково, на каждую ей честь,

Отверстивовала всѣмъ по знакомъ, по словами.
 Зефиры, въ шѣсношѣ шолкаясь головами,
 Хотѣли въ домъ ее привести, или принести;
 Но Душенька имъ путь велѣла бытъ въ покоѣ,
 И къ дому шла среди различныхъ слугъ:
 И Смѣховъ и Ушѣхъ, лежающихъ вокругъ.
 Чинапель такъ видалъ стремливістьъ въ пчель-
 номъ роѣ,
 Когда юничный родъ, оставя спарыхъ пчель,
 Кружишя, рѣзвишя, журчишъ и вдаль летаетъ,
 Но за Царицею, котору почиаетъ,
 Смирятся, лепишъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей ошмѣвныхъ,
 Не знала, Духъ ли былъ, иль просто человекъ,
 Общанный супругъ, власнипель мѣстъ блажен-
 ныхъ,
 Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смящен-
 ныхъ,
 Опчасти предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
 Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
 И много разъ о немъ служащихъ вопрошала;
 Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
 Или вокругъ лeshала,
 Увѣдомивъ ее подробнѣй не могла,
 И Душенька о томъ въ незнакомѣ была.
 Межъ шѣмъ прошла она крыльцовыя сшунени,
 И введена была въ проспраннѣйшія стѣны,

Отколы во всѣ крал, сквозь множество дверей ,
 Открылся передъ ней
 Прекрасный видъ алей,
 И роцей и полей ;

И болѣе потомъ, высокіе балконы
 Открыли царство шамъ и Флоры и Помоны,
 Каскады и пруды
 И чудные сады.

Оштуда сорокъ Нимфъ вели ее въ черпоги,
 Какіе созидашь удобны только боги,
 И тамо Душеньку, къ прохладѣ ошъ дороги,
 Въ гошовую для ней купальню привели.

Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
 Кошору, вмѣсто водъ, повсюду собирали.
 Зефиры воздухъ шамъ дыханьемъ согрѣвали,
 Изъ разныхъ аромашъ вздубали пузыри,
 И благовонныя успронвали мыла,
 Какими моются Воспочные Цари ,
 И конхъ вѣдома бодрительная сила.

Царевна въ оный часъ хопя и со спыдомъ ,
 Со споромъ и пирудомъ,
 Какъ водишся припомъ ,
 Взирая на обновы,

Какія были шамъ на выборъ ей готовы,
 Дозволила сложить съ красомъ своихъ покровы.
 Полки различныхъ слугъ , предъ шѣмъ опдавъ по-
 глотъ,

Безъ вздоховъ не могли ошптуда выйши вонъ ,

И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугъ,
 Охотно слѣдъ ея лобзали на досугъ.
 Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
 Зефиры хищные, за тѣмъ, что роспомъ мѣлки,
 У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
 Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
     Гдѣ Душенька купалась.
 Она предъ ними шамъ во всей красѣ являлась,
 Иль паче, имъ касалась :
 Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры! коиъ я прещасливыми чшу,
 Вы, кои видѣли Царевны красоту;
 Зефиры! вы меня, какъ должно, научите
 Сказать чиншателямъ, иль сами вы скажите
     И части, и чершы,
 И всѣ пріятности Царевнины подробно,
 Кошорыхъ мнѣ перомъ представить не удобно ;
 Вы видѣли тогда не сонъ и не мечшы....
 Но здѣсь молчите вы.... молчанье разумѣю.
 Къ изображенію божественныхъ даровъ
 Пошребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ;
 Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю.

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ ,
 Со удовольствіемъ раскидывала взгляды
 На выбранны для ней и плащя и наряды,
     И нѣкакой вѣнецъ.

Ее одѣли памъ, какъ Царскую особу,
Въ богашѣйшую робу.

Не прудно разумѣшь, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила,
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ.
Плѣняясь своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ;
Желаешь ли она смолѣть въ зеркала?
Онъ раждающся ея единымъ взглядомъ,
И по спѣнамъ предъ ней споятъ великимъ ря-
домъ,

Дабы краса ея удвоена была.

Увидѣвъ памъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Ошъ головы до ногъ,

Легко могла судить Царевна на досугъ
О будущемъ супругъ,

Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.

Межъ тѣмъ къ ея услугъ

Въ особой компаніи явился споль гоповъ.

Приборы для спола, и ѣснва, и напипки,

И сласпи всѣхъ родовъ,

Являли памъ вещей довольство и избытки;

Не менѣе и то, что только для боговъ,

Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,

Могло служить къ ихъ пищѣ,

Споляю передъ пей во множествѣ рядовъ.

Иной вкусивъ, она печали забывала,
 Другая ей красотою и силы придавала.
 Амуры, бѣгая усердіе явишь,
 Хозяйски должности спарались раздѣлишь.
 Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду;
 Иной уславливалъ, и всякъ совался всюду;
 И шопъ считалъ себя за превысоку честь,
 Кому изъ рукъ своихъ домова ихъ богиня
 Полрюмки нектару изволила поднести,
 И многіе предъ ней спояли рошъ, разиия :

Хопя Амуры впомъ,

По правдѣ, жадными ошнюдь не почипались

И боль, нежели въ ипомъ,

Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались.

Межь пѣмъ надъ ней съ верховъ,

Въ черпogaхъ безпечальныхъ,

Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,

И пѣсенъ ей похвальныхъ,

Какія могъ шворить лишь только богъ спиховъ.

Въ началъ райскія пѣвицы

Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.

Чишапель знаетъ самъ, пріятна ль ей была

Такая похвала;

Но впрочемъ Душенька рѣшивъ не возмогла,

Пріятство ль голосовъ, достоинство ль скрипицы,

Согласіе ли арфъ, или флейшу предпочесть.

Въ искусствѣ всѣ они имѣли равну честь,

И всѣ исполнены единымъ были духомъ,

Чшобъ Душенька въ раю
 Познала частъ свою,
 Прикосновеніемъ, успами, окомъ, слухомъ.
 Коль можно починпашъ за правду всѣ слова,
 У Грековъ естъ молва,
 Чшо будшо бы къ сему поржественному хору
 Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
 И будшо, въ Душеньку влюбяся по разбору,
 Играль и правилъ шамъ оркеспромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, пропяжиспымъ мане-
 ромъ,
 Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
 Воспѣлъ спихи, возвысивъ понь,
 Толико медленно, толико слуху вняшно,
 И ихъ сложеніе плѣвило шоль пріятно,
 Чшо Душенька легко слова переяла,
 Легко упомянь ихъ могла,
 И скоро зашвердила,
 И по всему двору впослѣдокъ распустила.
 Потомъ нескромныя Зефиры разнесли
 Спихи сіи опшоль по вѣмъ концамъ земли;
 Потомъ же шаковы и къ намъ они дошли:
 »Любови всѣ сердца причасны,
 »И сами боги ей подвласны.
 »Познай ты, Душенька, любовь,
 »И щастіе познаешь вновь.«

Трикрапно пѣся ша иредѣ Душенькой про-
пѣша,

И пѣли наконецъ Царевнѣ многа лѣша.

Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложишь,

Что время ей уже въ постель опочить.

При словѣ опочить Царевна покраснѣла,

И какъ невѣста обробѣла,

Однако спорить не хотѣла.

Раздѣша Душенька; ведутъ ее въ черпогъ,

И шамъ, какъ надобно, къ покою опъ дорогъ,

Кладутъ ее въ постель на нѣкоемъ престолѣ,

И поклонившись ей, уходящъ всѣ опшолѣ.

Незнаемо опколѣ тогда явился вdrugъ

Въ невидимомъ лицѣ невѣдомый супругъ.

А естли спросящъ, какъ невидимый явился?

Не шрудно опвѣчащъ: явился онъ въ пошѣмахъ,

И былъ въ обѣщанъ, но не былъ онъ въ очахъ;

Какъ Духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не оп-
крылся.

Никто не смѣлъ разкрышь завѣсу дѣлъ почпыхъ.

Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили

Ни околичпостей, припомъ какія были;

На вѣки тайна ша оспалась между ихъ.

Но только поушру примѣшили Амуры,

Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ пишкомъ,

И госпѣя, будучи спыдлива опъ Намуры,

Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружесство могло Царевнѣ быть пріятно,
 Лишь только паниство казалось непонятно :
 Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и пѣтъ;
 Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
     Безъ имени, безъ лѣтъ,
     Безъ роспу, безъ примѣтъ,
     И вмѣсто должнаго отвѣта,
 Скрывая, кпю онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
 Просилъ, увѣщавалъ, для пѣкакихъ ей грозъ,
 Чпобъ видѣтъ до поры супруга не желала;
     И Душенька не знала,
 Съ какимъ чудовищемъ, или богомъ почевала :
     Не слыхавъ былъ подобный бракъ.
 Царевна, думая и шакъ о томъ и сакъ,
 Развязку тайны сей въ Оракулъ искала;
 Оракулъ ей давно супруга описалъ
     Спрашивлицемъ ужаснымъ :
 Супругъ съ Оракуломъ казался быль согласнымъ,
 Какъ будто онъ себя за шѣмъ и не казалъ.
 Хопя же Душенька противно бѣ разумѣла,
     Касавшись до супружня шѣла,
     Хопя бѣ казалось ей
     Изъ всѣхъ его рѣчей,
 Что будто не былъ онъ спрашивлице очей :
 Но шакъ Оракулъ рекъ, и шакъ вѣщали боги,
 Что сей супругъ ея наноситъ всюду спрахъ.
 И ежели то шакъ, чпо онъ имѣетъ роги,
     Или звѣрины ноги,

Иль когнн на рукахъ,
 Иль гнусную фигуру,
 Такъ лучше Душенькѣ уroda такова,
 Которой всю страшишь Натуру,
 Не видѣть и не знать, пока она жива.

Межъ тѣмъ какъ Душенька въ постель,
 Не знала, какъ рѣшишь о дѣлѣ,
 Заря гнала ночную тѣнь,
 И свѣтлый видъ воспринялъ день;
 Но свѣтъ тогда не могъ забавишь
 Смущенную Цареву дочь,
 Которая минувшу ночь
 Въ забвѣньи не могла оставитьъ.

Тогда услужный сонъ, не дожидаясь ночи,
 Поутру вновь сомкнулъ ея прекрасны очи.
 Попомъ лежаючи вокругъ ея лица,
 Явилъ супруга ей со всею красотою,
 Со стройствомъ, пѣжностью, дородствомъ, бѣлиз-
 ною,

Съ румянцемъ краше багреца :
 Явилъ подобіе младаго Аполлона,
 Иль можно такъ сказать, прекрасна Куиндона,
 Въ восемнадцать лѣтъ, нѣ такъ почти,
 Чѣмъ былъ онъ близко двадцати,
 И былъ во всей красѣ и славѣ.
 Царевна въ ономъ снѣ, обманута мечтой,
 Супруга чаепъ видѣть вѣявъ,
 Хватаетъ тѣнь, кричитъ : постой !

Призракъ въ восторгъ ее приводитъ ;
 Но сей призракъ опъ ней уходитъ,
 Какъ будшобъ удалялся онъ.

Она зовешъ, бѣжитъ и бѣглеца хватаетъ.

Сіе движеніе вполѣдокъ прерываетъ

Ея невѣрный сонъ ;

И Душенька въ рукахъ проснувшись ощущаетъ,

На мѣсто бѣглеца, свой спальный балахонъ.

Извѣстно , что тогда супругъ , сокрывшись
 шамомъ ,

Желалъ подслушивать ея любовный бредъ,

Но рокъ свиданію прошивился упрямо ;

Царевна видѣла супружній только слѣдъ ,

И только было то примѣнить ей возможно,

Что онъ госпилъ у ней неложно ;

Что онъ въ отсутствіи оставилъ ей любовь ,

И что любовью сей она тогда старала.

Но кто шаковъ былъ онъ ? по кипо ? « твердила
 вновь ,

И вновь тогда заснуть желала :

И сонъ опять , кружась надъ нею съ пишипою ,

Спокойлъ мысль ея пріятною мечпою

Въ другой, какъ въ первой разъ.

Не знаю, долго ли мечта сія продлилась ;

Но Душенька опъ сна не прежде пробудилась ,

Какъ полдень ужъ прошелъ и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
 Царевну вновь одѣтъ принесли
 И сорокъ платьевъ принесли,
 Со всѣмъ къ тому приборомъ.
 Въ сей день она себя назначила нарядъ,
 Который былъ простъ ;
 За тѣмъ, что Душенька спѣшила поскорѣе
 Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ Палатъ.
 Я, въ томъ послѣдуя Царевницу уставу,
 Сей домъ представить постышу,
 И все подробно опишу,
 Что только лишь могло ей тамъ принести забаву.
 Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
 И тамо бѣгала, нигдѣ не пробѣжала
 Покоя, ни угла,
 Въ которомъ бы она на часъ не побывала ;
 Опшуда въ бельведеръ, опшуда на балконъ,
 Опшуда на крыльцо, опшуда внизъ и вонъ,
 Чпобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
 Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
 Зефиры лишь одни ей слѣдовать могли,
 И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
 Чпобъ какъ ни естъ она бѣжавши не упала.
 Она сморгла раза три
 Сей домъ снаружи и внутри.
 Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
 Казали ей архитектуры
 И всяки рѣдкости натуры,

Копоры Душенька, оглядывая вокругъ,
 Желала видѣть вдругъ,
 И что смопрѣшь, не знала;
 Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла,
 И Душенька бѣ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
 Когдабъ опъ бѣгу памъ
 Впослѣдокъ не успала.

Во опдыхъ жѣ она опъ сихъ погда шрудовъ,
 Смопрѣла спашуи славнѣйшихъ мастеровъ:
 То были образцы красавицъ безподобныхъ,
 Копорыхъ имена, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
 Въ различныхъ повѣстяхъ, и крапкихъ и подробныхъ,
 Безсмертно царспвуютъ въ народахъ и вѣкахъ.
 Калисто, Дафнѣя, Армида, Ніобея,
 Елена, Граціи, Ангелика, Хринея,
 И мпожеспво другихъ богинь и смерпныхъ женъ,
 Очамъ являясь живо,
 Во всей красть на диво,
 Спояли памъ у спѣнь.
 Но посрединѣ ихъ въ началѣ,
 На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ
 Самой Царевны ликъ споялъ,
 И болѣ красотой другіе превышалъ.
 Смотря на образъ свой, она сама дивилась,
 И внѣ себя оспановилась!
 Другая спашуя казалась въ ней погда,
 Какой во вѣки свѣшъ не видѣлъ ниогда.

Конечно Душенька и долѣ бѣ такъ осталась
 Смотришь на образъ сей,
 Которымъ обольщалась;
 Но слуги, бывшіе при ней,
 Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
 Для новой глазъ ея забавы,
 Другіе образы красотъ ея и славы:
 До пояса, до ногъ, въ весь росшъ, до самыхъ
 пятъ,
 Изъ золота, изъ серебра, изъ бронзы, иль изъ стали,
 И головы ея, и бюсты, и медали;
 А иль мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
 Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Аполлъ, иль живописи богъ,
 Который кисть его водилъ своей рукою,
 Представилъ Душеньку со всею красотою,
 Какой дополъ умъ вообразить не могъ.
 Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
 Въ пной Фауны къ ней несуть Помонинъ рогъ,
 И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ,
 И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
 Въ другой она, съ щитомъ преспраннымъ на
 груди,
 Паладой наряжась, грозитъ на лошади,
 И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взо-
 ромъ
 Разитъ сердца пріятнымъ моремъ.

А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плъшивъ
и сѣдъ,

Съ обновою морщинъ на спаролыпней рожъ,
Старается забыть, что онъ давшиннй дѣдъ,
Прямѣтъ свой дряхлый спанъ, желаетъ быть
моложе,

Кудринъ оспавиніе волосъ своихъ клочки,
И видѣтъ Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицъ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницъ.
Прекрасной Душеньки за чесъ и красоту,
Амуры тамъ сердца спрѣляютъ на лѣту:

Летятъ великою толпою,

И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордѣя ея очми,
Летѣютъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушишель мирныхъ
правъ,

Увидѣвъ Душеньку, являетъ пихой правъ:

Полей не обагряетъ кровью,

И наконецъ, забывъ военный свой успавъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.

А тамъ является она среди Упѣхъ,

Кошоры ей вездѣ предходятъ,

И вымыслами игръ повсюду производятъ

Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.

А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ея различными цвѣтами украшаютъ,

И тихо вокругъ ея летающій Зефиръ
 Рисуешь образъ сей, чѣмъ имъ украсишь міръ;
 Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
 Умѣривая умъ любителей свободъ,
 Иль будто бы сприсясь отъ крипикъ злокрамоль-
 ныхъ,
 Скрываешь въ списокъ онъ большую часть кра-
 сотъ ;
 И многіе изъ нихъ , конечно чудесами ,
 Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
 Вездѣ въ черпogaхъ. памъ
 Царевнинымъ очамъ
 Торжественны ей въ честь встрѣчались предме-
 ты :

Вездѣ ея портреты
 Являлись по стѣнамъ ,
 Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
 И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
 Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
 По образу ль какой Царицы ты одѣта ,
 Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
 Во всѣхъ ты чудо свѣта ;
 Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ ,
 И только ты одна прекраснѣе портрета.
 Попомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ ,
 Гдѣ жили тебѣ усердно обожали ,
 Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали ,
 Амуры украшали ,

Амуры образъ твой повсюду шамъ казали,
Амуры наконецъ

Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,

Могущіе привлечь твои прелестныя взоры.

Угоденъ ли какой нарядъ

И надобны ль тебѣ обновы?

Увидишь, что они готовы,

Что пивой уже примѣченъ взглядъ,

И изъ пивоей воздушной свиты

Зефиръ пришелъ тебѣ донести,

Что всѣ обновы были сшиты :

Когда прикажешь ихъ принести ?

Желалъ бы описать подробно

Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ Палатъ,

Гдѣ все плѣняло взглядъ

И было безподобно ;

Но всюду шамъ умомъ

Я Душеньку встрѣчаю ,

Прельщаюсь и потомъ

Палаты забываю.

Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край

Ея присушествіемъ преобращался въ рай?

Не ея ль рай имѣлъ и бытность и начало?

И естъли я сказалъ о сихъ Палатахъ мало,

Конечно въ томъ меня чисташели простятъ :

Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ ,

Куда она влечетъ и мысли всѣхъ, и взглядъ.

Въ счастливыхъ сихъ мѣстахъ земля была на-
грѣша

Всегдашнимъ жаромъ лѣта,
И щедро въ круглый годъ
Пронизавала плодъ
Безъ всякихъ непогодъ.

Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилепѣла,
И каждый щился тамъ не быть при ней безъ
дѣла:

Водить, рассказывать, иль просто забавлять.
Весь дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла
Побѣгать, погулять;
И въ рощахъ, иль въ садахъ, гдѣ шолько лишь
являлась,

Ея пришествіемъ Нашура обновлялась.

Древа склоняли къ ней листья,
Какъ будто бы тогда влеченіе познали,
И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали
Подъ тѣнію своей Царевны красоты;
И травы и цвѣты,

Раскидываясь вновь въ сей день, для нихъ пріят-
ный,

Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.

Но боль тамъ ясени предъ прочими блистала,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу вырастала.
Она ясениный духъ съ опмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.

Счастливыи сей букетъ, приколонный на грудь ,
 Какъ будто оживленъ , клонился къ ней приль-
 путь.

Припикли хоры пиянцъ , подслушавъ шумъ древе-
 сный ,

И за Амурами стремились въ путь извѣстный,
 Чпобъ Душеньку увидѣть вблизи :

Однѣ падъ нею вокругъ вились ,

Другія передъ ней лепали ,

И много межъ собой въ семь дивъ щебешали.

Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ пиянцъ ,

Ниже угрюмыхъ лицъ :

Не смѣли приставаать сварливые Сапиры ,

И вѣяли одни тишайшіе Зефиры.

Фоншаны силились подняться въ высоту ,

Чпобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту ,

Которую толпа окружна заслоняла ;

И естли Душенька вблизи опъ нихъ гуляла ,

Они стремились паспъ съ высотъ къ ея ногамъ.

Въ водахъ плескаючись Наяды ,

Неперпѣливо ждали тамъ

Ея пришествія къ счастливымъ ихъ брегамъ.

Иныя взлѣзли на каскады ,

Смопрѣть на путь ея , главы свои поднявъ ,

И Душеньку узрѣвъ , бросались къ ней спремѣавъ.

Въ семь общемъ торжествѣ Натуры ,

И сами каменны надъ токами фигуры ,

Опъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ ,

Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
 Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ
 Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ:
 Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четверно-
 гихъ:

И всѣ творенія и чуды Естества
 Явились тогда въ счастливой сей державѣ
 Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,
 Иль къ славѣ торжества.

Откуда шла она въ покрытыя ален,
 Которыя вели въ густой и темной лѣсъ.
 При входѣ тамъ, въ пѣни развѣсистыхъ дре-
 вей,

Открылись новыя художныя зашты.

Богини, боги, Фен,

Могучіе богатыри

И славные Цари,

Въ быяхъ и въ небылицахъ,

Являлись тамо въ лицахъ,

Со описаніемъ, откуда кто, каковъ;

И словомъ, то была исторія вѣковъ.

При томъ служивые Амуры

Различны повѣсти сипарались рассказать:

И тамо Душенька, среди чудесъ Намуры,

Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать:

И съ самой точностью, въ безлюдной сей пу-
 стынь,

Весь міръ являлся ей, какъ будто на картинѣ.

Хотяжъ гуляше по лѣсамъ
 Особо Душенька любила,
 И послѣ каждой день ходила,
 Со свѣтлой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ:
 Но въ сей начальный день не шла въ густыя рощи,
 Иль ради наспулившей ночи,
 Или, не зря дороги въ лѣсъ,
 Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
 Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея успали ноги;
 И Душенька отполь пошла назадъ въ чертоги.
 Не стану представлять
 Читателю предъ очи
 Пріятны сны ея въ последовавши ночи;
 Онъ самъ удобно ихъ возможетъ оспадать.
 Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
 И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.
 По слуху, говоряшъ,
 Что Душенька тогда пускалася въ нарядъ;
 Особо же во дни, когда собиралась въ садъ,
 Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
 На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ:
 Прилично было то, чпюбъ Душенька гуляла,
 И скуку иногда гульбою прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
 Прошедши въ лѣсъ далече,
 Царевна тамъ на встрѣчѣ
 Увидѣла ручей,

Который по дубровъ ,
 Какъ будто бы на зовъ ,
 Предъ нею выпекъ вновь.
 Но красота береговъ,
 При шокъ водъ хрустальныхъ,
 Скрывалась въ рощахъ дальныхъ
 И обольщенный взоръ
 Вела попомъ до горъ ,
 Откуда чисты токи ,
 Прервавъ земли упоръ ,
 Давали ей изъ норъ
 Распишельные соки.
 Тогда открылся грошъ ,
 Успроенный у водъ
 По новому манеру ;
 Онъ велъ попомъ въ пещеру ,
 Гдѣ солнечны лучи
 Свѣтили лишь при входѣ ,
 И гдѣ журча ключи ,
 Подобно какъ въ ночи ,
 Во мрачнѣйшей свободѣ
 Являли скрытый видъ ,
 Иль таинство въ Природѣ.
 Исторія гласитъ
 И знаютъ то въ народѣ,
 Что Душенька, вошедъ
 Въ невѣдомый ей слѣдъ ,
 При шемномъ дѣлѣ началъ ,
 Идти не смѣла далѣ.

Но чудомъ тамо вдругъ ,
 Безъ всякой дальней рѣчи ,
 Невидимо супругъ
 Схватилъ ее подъ плечи ,
 И въ самой темнотѣ ,
 На нѣкой высотѣ ,
 Изъ дерновъ зеленистыхъ ,
 При покахъ водъ ручьиныхъ ,
 Съ собою посадилъ
 И много говорилъ
 И прозой , и стихами ,
 Какъ водился межъ нами.
 Не вѣдаешь никто ,
 Въ какихъ словахъ на то
 Царевна отвѣчала ;
 Извѣстно только намъ ,
 Что послѣ къ симъ мѣстамъ
 Дорожку прощипала.
 Съ тѣхъ поръ Царева дочь
 Часы и въ день и въ ночь
 Съ супругомъ провожала,
 И болѣ всѣхъ охотъ
 Любила темный гротъ.
 Когда же заснигалась
 Ночною темнотою ,
 То вмѣстѣ возвращалась
 Съ супругомъ въ свой покой.
 Тогда воздушна колесница

Несла ихъ въ облакъ гуспомъ
 Подъ темнымъ нѣкакимъ шапромъ;
 И каждый день сихъ мѣстѣ Царица,
 Спокоенная сладкимъ сномъ,
 Пускалась въ прежній пушь попомъ,
 Изъ дома въ грошъ, изъ гроша въ домъ.

Но разумъ требуешь себѣ часовъ свободы,
 Скучаешь проводить въ любви цѣлый день.
 Царевна, слѣдуя уставу въ помъ Природы,
 Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
 Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
     И жмурки, и плешень,
     Со всякими играми,

Какія и доднесъ оспались между нами.
 Амуры наконецъ спарались изобрѣсть,
 По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
 Концерты, оперы, забавны опереты
 И все, что оспрый умъ удобенъ произвести
     Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ
     Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ.

Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
 Кино, Дешушь, Реньяръ, Руссо и самъ Волтеръ,
 Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ,
 Писапель нашихъ дней, почипешный Сумароковъ,
 Театру Душеньки спарались подражать,
 И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
     Различны дѣйствія Натуры,
 Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.

Но чтобы длился веселья безъ помѣхъ,
 Печальный всякой видъ смертей, скорбей, измѣны
 Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь
 смѣхъ

И гдѣ, среди утѣхъ,
 Опсѣявленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпо-
 мены.

Царевна, съ возрастомъ познавательнѣйшихъ лѣтъ,
 Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ
 И часто, дѣтскія оспавивши забавы,
 Желала болѣе знать людскіе разныя нравы,
 И кто, и какъ живалъ, и съ пользою, или нѣтъ;
 Сія познаниа о каждомъ человѣкѣ
 Легко могла найти въ своей библіотекѣ.

Великая громада книгъ,
 И малыхъ, и большихъ,
 Ее опъ чтенія въ началѣ ошвращала;
 Но скоро Душенька узнала,
 Что разумъ ко всему возможно приучать, —
 Узнала дѣльный смыслъ опъ шутокъ отличать,
 Судить и примѣчать.

Въ исторіяхъ правдивыхъ
 Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.

Въ писателяхъ сисшемъ
 Нашла, при всякой смѣси,
 Довольно вздорной смѣси,

Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ничѣмъ.
 Нечаянно же ей во оной книгѣ громадѣ

Одну трагедію случилось развернуть :

Писатель пицился памъ слезами всѣхъ пронушь ,

И памъ любовница, въ печальнѣйшемъ нарядѣ ,

Не зная, что сказашъ, кричала часпо: ахъ!

Но чѣмъ и какъ въ бѣдахъ

Ея вершился страхъ?

Она, сказавъ: люблю, бѣжала изъ покоя,

И ахашъ одного оставила героя.

Царевна памъ взяла чипашъ еще стихи,

Но ихъ чипаючи, какъ будто за грѣхи ,

Узнала въ первый разъ уполненную скуку

И, бросивъ ихъ подъ споль , припомъ ушибла руку.

Носился послѣ слухъ , что будто наконецъ

Несчастливыхъ сихъ стиховъ творецъ ,

Указомъ Аполлона,

На вѣки согнанъ съ Геликона ;

И будто Душенька , боясь подобныхъ сукъ ,

Иль ради сохраненья рукъ ,

Стиховъ съ недѣлю не чипала ,

Хотя любила ихъ, и нѣкогда слагала.

Во время такова изгнанія стиховъ ,

Когда не чися памъ ни пѣсни къ ней, ни оды ,

Желала посмотришь Царевна переводы

Извѣспнѣйшихъ творцовъ ;

Но часто ихъ тогда она не разумѣла,

И для того велѣла

Исправнымъ слогомъ вновь Амурамъ перевести ,

Чпобъ можно было ихъ безъ пятости прочесть.

Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различныя листки, копорые на свѣшѣ

Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ

Между полезными продерзко выходили ,

И кипами грозили

Тягчипѣ усиленно Геликонѣ.

Царевна, зная, кому невѣдомъ былъ законъ ,

Листомарапелей свободѣ не нарушала ;

Но ихъ твореній не чинила.

Уже при года такъ Царевна провождала :

И долѣбъ такъ жила, когдабъ сей свѣшлый рай

Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край ;

Но любопышный умъ , при всякой въ жизни волю ,

Не рѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.

Царевна , распознавъ

Супруга своего пріятный умъ и нравъ ,

О немъ желала вѣдать болѣ :

Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ , по днямъ и по ночамъ ,

И въ облачномъ полесѣ ,

Просила съ жалобой, чѣмъ онъ ея очамъ

Явилъ себя при свѣшѣ.

Воище супругъ всегда Царевну увѣрялъ ,

Чѣмъ онъ себя скрывалъ

Для слѣдствій самыхъ важныхъ ;

Воище ей зналъ давалъ ,

Чѣмъ онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ ,

И Спиксомъ клялся въ помѣ богамъ.
 Царевна Спиксомъ насмѣхалась,
 И часто удержашъ старалась
 Супруга въ домѣ по упрямъ,
 И часто, сисяся безъ мѣры,
 На свѣшъ пащила изъ пещеры;
 Но опъ изъ рукъ ея тогда,
 Какъ въперъ, уходилъ, невѣдомо куда.
 Въ другія времена такіе нѣжны споры
 Рождалибъ радости на мѣсто дальной ссоры;
 Но Душенькинъ супругъ тогда не рѣдко былъ
     Задумчивъ и унылъ,
 И часто повторялъ угрюмы разговоры,
 Являя ей нищету и свѣпа и похвалъ.
 Впослѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщавалъ,
 Чтобы, храня завѣшъ среди упѣхъ любовныхъ,
 Боялась въ помѣ измѣнъ опъ самыхъ даже кров-
   ныхъ;
 Что зависшъ ей бѣды возможешъ нанесши,
 И ешья судишъ такъ предѣлъ боговъ верхов-
   ныхъ,
 Ее опъ люпыхъ золъ не можешъ опъ спасши.

 Вздохнувъ по Душенькѣ въ боязняхъ толь суро-
   выхъ,
 Супругъ едва тогда изъ дому оплешѣлъ,
 Какъ пѣкакій Зефиръ, посланный для дѣлъ,
 Принесъ опвсюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.

Она увѣдала, что двѣ ея сестры
 Пришли искать ее у спрашной той горы,
 Откуда нѣкогда счастливымъ Зефиромъ
 Она вознесена во области надъ міромъ ;
 Что тамо подъ горой изъ множества пещеръ

Спрацаюшъ ихъ Драконы ,

И что онъ могъ принести Царевнѣ опъ сестеръ
 Върнѣ всѣхъ вѣстей и письма, и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ны зналъ
 Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
 Конечно бы тогда скрывалъ
 Для Душеньки такіа вѣсти!

Почто не встрѣтился какойлибъ скорый Духъ,
 Кому бы вѣдомъ было о томъ подробный
 слухъ,

И кто бы, при такой опъ кровныхъ ей измѣнѣ,
 Зефиру могъ сказать, чтообъ онъ болталъ помень?

Но воля въ томъ была Небесъ ,

Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,

По воздуху лова на свѣтъ всяки рѣчи ,

Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесть ;

И такъ успавили злодѣючи ей боги,

Чтообъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чер-
 тоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
 И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
 Супружніе тогда забыла всѣ совѣты :

Зефиру потъ же часть, скорѣ какъ ни есть,
 Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привести.
 Не видяжъ никакой коварства ихъ примѣшы,
 Желала показашъ

Наряды, и парчи, и камши, и кровати,
 И домъ, и всѣ пожипки,

И съ ними раздѣлишъ своихъ богатствъ избытки.
 Богатство мало веселишъ,
 Когда о томъ никто не знаетъ,
 И радость только потъ вкушаетъ,
 Съ другими кто ее дѣлишъ.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней пред-
 спали

И объ Душеньку со счастьемъ поздравляли,
 И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
 И радость изъявляли
 Съ усмѣшкой на лицахъ.

Но зависть весь свой ядъ просперла въ ихъ серд-
 цахъ,

Представя ихъ очамъ, какъ будто грѣхъ Нашуры,
 Что младшая сестра за красоту свою
 Живетъ, господствуя въ прекраснѣйшемъ раю,
 И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры.
 Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастовствомъ,
 Что тамъ живетъ она въ союзъ съ божествомъ,
 И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
 Прекраснѣй Купидона;
 Что онъ изъ смертныхъ всѣхъ красотъ

На выборъ взялъ ее въ супруги;
 Что опдалъ ей во власть летучій свой народъ,
 И рай въ ея услуги.

Такая похвала была ли безо лжи?

Чишпашель въдаешъ, когда кого мы любимъ,
 О томъ съ прибавкой правду спрубимъ.

»Да гдѣжъ супругъ, скажи? . . . «

Не зная, что сказать и какъ себя оправить,
 Сесспрамъ своимъ въ опвѣтъ

Царевна покраснѣвъ сказала: »дома пѣшъ.«

Но какъ она припомъ спаралась ихъ забавить,
 Легко тогда могли онъ себя представить,

Что Душенькинъ супругъ

Имѣетъ въ небѣ рай, и шронъ, и много слугъ,

И младость, и красу, и радость безъ печали,

И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный кругъ;

И то, чего онъ не знали, не видали,

Завидуя сеспрѣ, легко воображали,

И съ горькой жалобой промежъ собой шептали:

»За что супруга ей судьбы такого дали?

»А мы и на земли

»Едва мужей нашли:

»И тѣ какъ дѣды спары,

»И намъ негодны въ пары; «

И завистью дыша,

Царевны Душеньку нещадно тупъ хулили

И съ повпиреніемъ внослѣдокъ говорили,

Что Душенька была опшюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
 Очей имѣсть много,
 И виднѣть сквозь покровъ закрышья дѣла.
 Воище опѣ сестрѣ своихъ Царевна ихъ скрывала,
 И день, и два, и при притворствѣ продолжала,
 Какъ будто бы она супруга вѣявъ ждала:
 Сестры темнили видѣ, подѣ чѣмъ онѣ были не
 лвенѣ.
 Чего не вымыслишѣ коварная хула?
 Онѣ были, по ихъ рѣчамъ, и спрашенѣ и злонравенѣ,
 И вѣрно Душенька съ чудовищемъ жила.
 Совѣщанья скромности въ сей часѣ она забыла;
 Сестры ли въ томъ виной, судьба ли то, нѣ
 рокъ,
 Иль Душенькинѣ то были пороки,
 Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
 Что только пѣнь одну въ супружествѣ любила;
 Открыла, какъ и гдѣ приходитъ пѣнь на срокъ,
 И происшествія подробно рассказала;
 Но только лишь сказать не знала,
 Каковъ и кто ея супругъ,
 Колдунъ, нѣ змѣй, нѣ богъ, нѣ духъ.

Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣшнымъ,
 Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ

Удвоилъ лесни ядъ ,

Который былъ прикрытъ пріязни видомъ вѣщ-
нымъ .

Онъ , то съ жалостью , то съ гнѣвомъ и спы-
домъ ,

И съ нѣкимъ ужасомъ сестрѣ внушить спарались ,
Что въ спрашнныхъ сихъ мѣстахъ всего онъ боя-
лся ,

Что тамо былъ неистовъ домъ ;

Что въ немъ живутъ конечно змѣи ,

Или злотворны чародѣи ,

Которые , устроивъ рай

И всѣ возможныя забавы ,

Маляютъ людей въ сей чудный край

Для сущей ихъ оправы .

Къ тому прибавили , что будто въ споронѣ

По утру видѣли онъ —

Съ домоваго балкона

Надъ грошомъ въ воздухъ подобіе Дракона ,

И буднобъ тамъ лежалъ съ рогами страшный
змѣй ,

И буднобъ искры тамъ онъ сыпалъ изъ поздрей ,

И въ роцѣ наконецъ , склонясь у горъ къ пар-
шеру ,

При ихъ глазахъ поползъ сгибаючись въ пещеру .

Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ

Безчестіе и позоръ

На будущіе роды ,

Когда пойдуть опть ней нелѣпые уроды,
 Иль чуды, съ конми не можно будетъ житьъ,
 И кон будутъ мѣръ спрашивъ.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно ;
 Но правда, что она сама свой тайный бракъ

Почесъ не знала какъ :

Ея замужество ей всегда казалось чудно.
 За чемъ бы сей супругъ скрывался опть людей ,
 Когда бы не былъ змѣй ,

Иль люшый чародѣй ?

Впослѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила ,
 Что нѣкая въ дому неистовая сила

Ее обворожила ;

Что мужъ ея , какъ змѣй , какъ самыи хищныйи
 шашъ,

При свѣстѣ никому не смѣлъ себя казатьъ ;

Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,

И хуже былъ Дракона.

Царевна въ сей прискорбный часъ

Забыла райскія утѣхи ;

Замолкъ пріятныхъ пѣсень гласъ,

Уныли Радости и Смѣхи.

Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ

Простерли мрачный скуки ядъ.

Амуры вдругъ воспрепешали,

И съ плачемъ далъ оплечали

Отъ сихъ любимыхъ имъ палашъ.

Царевна тамъ одна съ сестрами
 Въ свободѣ продолжала рѣчь,
 И непремѣнными судьбами
 Сихъ словъ никпо не могъ сперечь :

»Могу ль я въ свѣтъ жить? Царевна говорила;

»Поспѣлъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.

»Несчастлива Душенька! ты мнила бытъ въ раю ,

»И учась выше всѣхъ считала ты свою ;

»Но, съ родомъ разлучась, и виѣ земнаго круга,

»Кого имѣешь ты супруга ?

»Волшебный лишь призракъ ,

»Который дѣлаешь позорѣйшимъ твой бракъ

»И ужасаешь всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.

»Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?

»Чрдовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.

»Но естли тако мнѣ предписано судьбами ,

»Скорѣ мечъ вонжу въ мою несчастну грудь.

»Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.

»Скажите всѣмъ роднымъ подробными словами ,

»Что знали опъ меня , что видѣли вы сами ;

»Скажите, что я здѣсь обманута была ;

»Что я спыжуся жить... скажите: умерла !«

Сестры , какъ бы уже за злобу казней ждали ;

Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,

Что красныхъ дней ея безвременный конецъ

Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ :

А послѣ, можетъ бытъ, шоль люпыхъ золь шво-

рецъ

И всѣхъ ея родныхъ пожреть, или удавить ;
 И что, вооружась на жизнь свою она ,
 Должна предъ смертью сей , какъ честная жена ,
 Въ удобный сонный часъ убить бы колдуна.
 Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,

Противенъ и ужасенъ :

Чуждалась она злодѣйственныхъ смертей ,
 И жалость всегда господствовала въ ней ;
 И, можетъ быть, любовь, какой она стыдилась,
 Еще въ груди ея таилась.

Убийственный совѣтъ Царевна получа,
 Представила въ словахъ мянущихся и косныхъ,
 Что въ домѣ не было меча,

Ниже какихъ нибудь орудій смертопосныхъ ;
 И какъ убить въ ночи пустую только пѣнь,
 Котора исчезаетъ въ день ?

И гдѣ достать къ сему наряду
 Съ огнемъ фонарь, или лампаду ?

Въ сіи печальны дни

Зефиры съ вечера гасили всѣ огни. —

Сестры рѣшительно и смѣло отвѣчали

На Душенькину рѣчь ,

Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечъ ,
 И вмѣстѣ принесши лампаду обѣщали.

Пріятна ль ей была готовность сихъ услугъ,

Примѣшивъ было лъзя изъ словъ ея печальныхъ:

Смущенна Душенька тогда безъ мыслей дальнихъ
 Желала только знать, каковъ ея супругъ,

И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ
Не позабышь лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ
Несни сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онъ, лепя изъ міра въ міръ,
Мѣшаятъ съ воздухомъ эфиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являюся предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналь,
Гдѣ съ самыхъ древнихъ лѣтъ держался
Волшебный мечъ, или книжалъ,
Которымъ Геркулесь сражался,
Когда чудовищъ поражалъ.
Сей мечъ единымъ сильнымъ махомъ
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечъ хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
Но купленъ ли, иль проспо взятъ,
Иль былъ отполь тогда украденъ,
Писатели о томъ молчали;
Извѣстно только нынѣ въ свѣтъ,
Что точно онъ блисталъ въ полѣтъ;
Что двѣ Царевны, онъ земли
Принявъ воздушныя дороги,

Сей мечъ въ Амуровы чертоги
 Тогда съ лампадой унесли,
 И скоро съ Душенькой простились,
 И скоро въ путь домой пустились.

О сепълибѣ вѣдала несчастна Царска дочь,
 Колико вредны ей сей мечъ, сія лампада!
 Амуры ей моглиль совѣтами помочь?
 Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
 И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣшило дневное уже склонилось къ лѣсу,
 Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
 И купно съ темнотою
 Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
 Въ копоромъ крылося несчастно непокорство.

И естъли повѣсти не лгушь,
 Прекрасна Душенька употребила шутъ
 И разумъ, и проворство,
 И хитрость, и прищворство,
 Какія свойственны женамъ,
 Когда онъ, дѣла имѣя по ночамъ,
 Скорѣ какъ нибудь дають покой мужьямъ.
 Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
 Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
 Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
 Зевнулъ,
 Заснулъ.

Тогда Царевна оспорожно
 Вспаешъ полъ пихо, какъ возможно,
 И низу, по тропъ злапой,
 Едва касаяся пяпой,
 Выходишъ въ пѣкакій покой,
 Гдѣ многія опъ глазъ преграды
 Скрывали мечъ и свѣшъ лампыды.
 Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
 Идешъ назадъ, на всякій спрахъ,
 И съ воображеніемъ печальнымъ,
 Скрываешъ мечъ подъ плашъемъ спальнымъ;
 Идешъ, и медлишъ на пупи,
 И ускоряешъ вдругъ спупени,
 И собспвенной боишся шѣни,
 Бояся змѣя шамъ найши.
 Межъ шѣмъ въ черпогъ супружній входишъ.
 Но кшо представился ей шамъ?
 Кого она въ одръ находишъ?
 То былъ....но кшо?....Амуръ былъ самъ:
 Сей богъ, властипель всей Напуры,
 Кому покорны всѣ Амуры.
 Опъ въ крѣпкомъ спѣ, почпи нагой,
 Лежалъ, раскинувшись въ постель,
 Покрышъ шончайшей пеленой,
 Копора сдвинулась долой,
 И часпью лишь была на шѣлѣ.
 Склонивъ лице ко сторонѣ,
 Просперши руки обоюду,

Казалось, будто бы во снѣ
 Опѣ Душеньку искалъ повсюду.
 Румянецъ розы на щекахъ,
 Разсыпанный поверхъ лилеи,
 И бѣлы кудри въ прехъ рядахъ,
 Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
 И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,
 Въ виду, во всей красѣ своей,
 Иль кон крылися опѣ вида,
 Могли унизить Адопида,
 За коимъ нѣкогда, влюбясь,
 Сама Венера, въ дождь, и въ грязь,
 Бѣжала въ дикія пущыни,
 Сложивъ величество богини.

Таковъ открылся богъ Амуръ,
 Таковъ, иль былъ тому подобенъ.
 Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
 Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ,
 Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препяпствъ,
 За сими крапками чертами,
 Чиншатели представлятъ сами,
 Каковъ явился богъ пріятствъ
 И Царь надъ всѣми красотами.

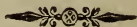
Увидя Душенька прекрасно божество,
 На мѣсто аспіда, кошпорого боялась,
 Видѣніе сіе почла за колдовство,

Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
 И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
 Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ,
 Едва не кинула лампы и кинжала,
 И позабывъ тогда свою приличну спашь,
 Едва не бросилась супруга обнимать,
 Какъ будтобъ никогда его не обнимала.
 Но удовольствіемъ жадающихъ очей
 Остановлялась шупъ спремительность любовна;
 И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
 Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
 Она не разъ себя въ семь днѣ обвиняла,
 Смотри со всѣхъ споронъ, что только зрѣть могла,
 Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
 Почто его красотъ заранѣ не видала;
 Почто о богъ семь въ незнаіи была,
 И дерзостно его за змѣя почишала.

Впослѣдокъ Царска дочь,
 Въ сію пріятну ночь
 Дая свободу взгляду,

Приблизилась, попомъ приблизила лампаду,
 Попомъ, нечаянной бѣдой,
 При семъ движеніи, и робкомъ и песмѣломъ,
 Держа огонь надъ самымъ шѣломъ,
 Трепещущей рукой
 Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
 И масла частъ проливъ опшоль,
 Ожогою бедра Амура разбудила.

Почувствуя жестоку боль,
 Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,
 И боль свою забывъ, онъ свѣта ужаснулся;
 Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечъ,
     Который изъ подъ плечъ
     Къ ногамъ тогда скользнулъ;
     Увидѣлъ онъ вины,
 Или признаки винъ зломысленной жены;
     И тщетно шутъ она желала
     Сказать несчастья всѣ сначала,
 Какія въ исправку сказать ему могла.
 Слова въ устахъ остановлялись;
 И свѣтъ, и мечъ въ винахъ уликою являлись
 И Душенька тогда упавши обмерла.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою Госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когдабъ лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Или бь поморщилась, иль только бы взглянула,
Въ минушу бь для ея услугъ
Полки Духовъ явились вокругъ,
Съ водами, спиршами, изъ разныхъ краевъ свѣша;
И самъ бы Эскулапъ, хопя далеко жилъ,
Топчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просю для совѣша,
И всюбъ свою для ней науку испоцилъ.
Когда же во дворъ разсѣялися слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны Духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
 Снѣ за Душенькой спарипши волокиты,
 Одни оспались изъ всей придворной свиты,
 Которые вдали надъ ней лежали вкругъ.
 Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры,
 И были такъ легки, какъ наши пепиметры:
 Увидѣвъ красоты, что прежь сего цвѣли,
 Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
     Зефиры не могли
 Въ привязанности быть надолго постоянны
     И, кинувъ Царску дочь,
     Летѣть пустились прочь.

Красавицы двора, которы ей служили,
 Хопя, казалось, объ ней тогда тужили;
 Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
 Имѣла собственны дѣла и суеты,
 Стараясь, ища, ласкаясь, уповая:
 Авось либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
 Авось либо сей богъ веселій и утѣхъ,
 Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ,
 И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу,
     Впослѣдокъ кинетъ взоръ
     На собственный свой дворъ,
 И, можетъ быть, изъ нихъ возметъ себѣ су-
     пругу;
 И каждая, хваля начальницу свою,
 Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болъ всѣхъ къ Царевнѣ склошны были :

По старой памяти всегда ее любили,

И видя злую съ ней напастъ,

Усердно ей помочь хотѣли ;

Но чпя покорно Вышню власпъ,

Въ то время къ ней опшюдь приближиться не
смѣлн.

Иль можетъ быть и такъ они, предвидя впредь

Ея несчастья и печали,

Судили легче ей въ сей долѣ умереть,

И ей изъ жалоспи иногда не помогали.

Они увидѣли, увы! въ топъ самой частъ

Зефирамъ на въпру написанный приказъ...

Амуры съ Душенькой разошлись, возрыдали

И пољко взираи се препровождали.

Зефиры Царску дочь обратно унесли

Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,

Туда, откуда взяли,

И шамъ

Оставили полмершву,

Какъ будто люпымъ лвамъ

И аспидамъ на жершву.

Умри, красавица, умри! твоей сладкой вѣкъ

Съ минувшимъ днемъ уже пропекъ ;

И естли смерпъ тебѣ опъ бѣдствій не из-
бавишъ ,

Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ бо-
жесствомъ,

Опшынѣ въ скорбѣ шебѣ наполенѣ будешѣ зломѣ,
И всюду горести за горестными представитѣ.

Тебя къ терпѣнію оставилѣ Купидонѣ;

Твой рай, швои ушѣхи,

Забавы, игры, смѣхи,

Съ ихѣ временемѣ прошли, прошли, какѣ будто
сонѣ. —

Вкусивши сладости, когда кто ихѣ лишился,

И точно вѣдаешѣ ихѣ цѣну и уронѣ,

И болѣ кто любя, съ любимымѣ разлучился

И радости себѣ уже не чаешѣ впредѣ,

Легко возчувствуешѣ, безѣ дальнѣйшаго слова,

Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умерешѣ.

Но гнѣвная судьба была къ ней шоль сурова,

Что сколь бы грозныхѣ Паркѣ на помощь ни
звала

И какѣ бы смерти ни искала,

Судьба назначила, чтобѣ Душенька жила

И въ жизни бы спрадала.

По нѣсколькихѣ часахѣ,

Какѣ вымышый въ водахѣ

Румяный ликѣ Авроры

Выглядывалѣ на горы,

И Фебѣ дружился съ ней на синихѣ небесахѣ;

Шль такѣ сказаѣ въ проснпыхѣ словахѣ:

Какѣ день явился послѣ ночи,

Очнулася Душенька, открыла ясны очи,

Открыла... и едва опять не обмерла,
 Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
 На мѣсто божескихъ, прекраснѣйшихъ селеній,
 Гдѣ Смѣховъ, Игръ, Забавъ и всякихъ слугъ соборъ
 Спарался примѣчать и мысль ея, и взоръ,
 И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
 На мѣсто всѣхъ въ раю успроенныхъ чудесъ,
 Увидѣла она подъ сводами небесъ

Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
 Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,
 У коихъ нѣкогда жрецы и сами боги,
 И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
 Оставили ее судьбы своей искашь,
 Искать себѣ чепы, не вѣдая дороги.

Увидѣла она, при упренней зарѣ,

Въ ужасной сей пустынѣ,

На самой шой горѣ,

Куда, по повѣстямъ вездѣ извѣстнымъ нынѣ,

Ни звѣрь не забѣгалъ,

Ни птицы не лепали,

И гдѣ, казалось, лишь спрахы обитали;

Увидѣла себя безъ райскихъ покрываль,

Лежащу въ плащницѣ простомъ и негардномъ,

Въ какое Душеньку, въ несчастѣ безприкладномъ,

Оспавивъ выкладки и всякія махры,

Родные нарядили,

Когда на верхъ горы

Ее препроводили.

Хопя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
 Ко страху и несчастью ,
 Могла бы ожидать себя опрады тамъ
 Боговъ хранителей вездѣ присущію властью,
 И вѣря всякимъ чудесамъ,
 Могла бѣ въ ихъ помощи легко себя увѣрить
 И нѣсколько бы тѣмъ печаль свою умѣрить ;
 Но Душенька дополь въ раю
 Была супругою Амура ,
 И участь Душенька свою
 Утрапила попомъ, какъ дура,
 Утрапила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
 Любовь пѣжвѣйнаго любовника и друга,
 Иль паче божесіва подѣ именемъ супруга.
 Проступокъ свой тогда вмѣняя въ крайній грѣхъ,
 Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла :
 Спократъ она, въ поправку дѣла,
 Прощенія просить хотѣла
 У мужа, у боговъ, у cadaго и всѣхъ ;
 Но способовъ къ тому въ пустынь не имѣла.
 Въ пустынь сей никто, ни человекъ, ни богъ,
 Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.
 Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
 Тая свою печаль во мракъ черныя пучъ ;
 И естли проникалъ къ нему надежды лучъ,
 Надеждой Душеньку утѣшивъ онъ боялся.
 Объ ея тайно любовался ,
 Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ,

Ее другимъ богамъ въ сохранность поручалъ,
 И извиняя въ ней поспѣшность всякой вѣры,
 Приписывалъ вину одиѣмъ ея сеспрамъ.
 Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
 Царевну долженъ былъ тогда предасть судьбамъ,

И что въ толико лютой чашѣ,
 Спасая жизнь ея онъ злобспвующей власпи,
 Какою ей тогда Венеринъ гнѣвъ грозилъ,
 Противу склонности повсюду ухищрялся,
 Противъ желанія повсюду припворялся,
 Какъ будтобъ онъ уже Царевну не любилъ:
 Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,

Онъ Эху той округи

Спрожайшій далъ приказъ,

Что Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало

И громко повтораю

Слова ея сто разъ.

«Амуръ, Амуръ!» она вскричала...

И межесть быть, что рѣчь еще бы продолжала,
 Какъ пѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный
 часть,

На время прекратилъ ея плачевный гласъ.

На вопль опчаяншой супруги,
 Который поразилъ и горы и лѣса

Печальной сей округи,

Который Эхо шамъ, во многи голоса,
 Несло наперехватъ подъ самы небеса,

Амуръ, предавшися движенью пѣкой спраспи,
 Забывъ жестоку боль бедра
 И все, что было съ нимъ вчера,
 Едва не позабылъ уставы Вышней власпи,
 Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
 Къ погамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ
 словъ,

Съ желаньемъ навсегда опныиъ
 Оспавить пышности небесъ
 И съ нею жниъ въ глухой пуспыиъ,
 Хотябъ то былъ дремучій лѣсъ.

Но вспомнивъ пѣжный богъ, въ жару своихъ желаній
 Несчастливый предѣлъ поль лесныхъ упованій
 И гибель Душеньки, спрожайшимъ ей судомъ,
 Грядущую попомъ,

Умѣрилъ спраспъ свою, вздохнулъ, остановился
 И къ Душенькѣ съ высотъ во славу онъ спустился;
 Предспалъ ея глазамъ,

Предспалъ.... и такъ какъ богъ явился;
 Но, въ угожденіе Венерѣ и судьбамъ,
 Возрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
 И такъ какъ бы ее оспавилъ онъ на вѣкъ,
 Гнѣвливымъ голосомъ, съ презоромъ пронзекъ
 Спрожайишую ей часть, предписанну богами;
 »Имѣй, сказалъ онъ ей, опныиъ госпожу,
 »Опныиъ будешь ты Венериной рабою,
 »Опныиъ не могу дѣлить утѣхъ съ побою....
 »Но злобныхъ сеспръ твоихъ я боль накажу.«

«Амуръ, Амуръ!» опять Царевна возгласила...

Но онъ, при сихъ словахъ,

Не внемля, что она прощенія просила,

Сокрылся въ облакахъ!

Сокрылся и попомъ въ небесный путь пуспился,

И боль не явился.

Болтливы Эхи дальнихъ мѣстъ,

Которы, можешь быть, наукой ошъ Венеры,

Подслушивали рѣчи изъ ближней тамъ пещеры,

И видѣли его свиданье и ошъѣздъ,

Впослѣдокъ разнесли шакую въ мѣръ огласку,

За былъ, или за сказку,

За правду ль, иль прилогъ,

Что будпо, чувспвуя жестокою ожогу,

Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу;

И будпо бы сей богъ,

Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,

Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ

И множество деревьевъ симъ жаромъ повалилъ.

Но какъ то ни было, любви ль нѣжной сила,

Или особая господспвующа власть,

Содѣлывала въ ней мучительную спрасъ:

Супружню всю она суровость позабыла,

Лишь только помнила, кого она любила

И дерзостью своей чего себя лишила.

Чего ей ждашь тогда оспалось отъ Небесъ?
Въ опчаяпни, проливъ потоки горькихъ слезъ,

Наполнивъ воплями окружный доль и лѣсъ,
 »Прости, Амуръ, прости!» Царевна вопіяла—

И въ потъ же часъ лихой,
 Бездонну рышвину увидѣвъ подъ горой,
 Съ вершины въ пропасть рва пуститься пред-
 пріяла:

Пошла, заплакала, съ плапочкомъ на глазахъ,
 Вздохнула! ахнула!... и бросилась въ размахъ.
 Амуръ, оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
 Велѣлъ ли Душеньку сперечь на всѣхъ горахъ,
 Чипашель можетъ самъ увидѣть по въ дѣлахъ.
 Въ потъ часъ и въ потъ моментъ усердный
 Скоромыхъ,

Зефиръ, слуга ея при въпренныхъ пухахъ,
 Увидѣлъ Царску дочь въ полъ видимыхъ бѣдахъ,
 Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
 Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,

Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ при разѣ,
 И Душеньку тогда, летящую на низъ,
 Прикрывъ воскрыліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
 Отъ всякой наглосипи толпы разносторонной

Какъ должно подхватилъ,

Какъ должно опдалилъ

Отъ пропасти бездонной,

И тихо положилъ

На мягкихъ муравахъ долины благовонной.

Онъ тихимъ дханіемъ шамъ воздухъ растворилъ,
 Бореймъ дерзкимъ дуть надъ нею запрепилъ

И долго прочь не отходилъ,
 Забывъ свою любезну Флору;
 Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
 Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подиору.

Увидѣвъ памъ она себя на муравахъ,
 Невѣдомыми ей судьбами,
 И кушъ яминный въ головахъ
 Межъ разными вокругъ цвѣтами,

Такую истину сперва за сонъ почла!
 И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,

И долго вѣришь не могла,
 Чпобъ, кинувшись, была
 Еще на свѣпъ вживъ;
 Забывшись попомъ,
 Заснула крѣпкимъ сномъ.

Но видѣла ль во спѣ, что было съ ней доселъ,

Худое ль, доброе ль на дѣлъ,
 Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
 Иль грозную его разгнѣванную мапъ,
 Испорикъ о томъ забыли написать;

А только дали знать,
 Чпо богъ Амуръ надъ нею
 Велѣлъ погда лешапъ
 Снодѣпелю Морфею

И сномъ продлинъ ея покой,
 Зефира опославъ домой.

Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся Напура
 Въ то время правились указами Амура.

Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ,
 Амуръ, содѣлавъ чудъ,
 Легко содѣлавъ могъ, чтобы Душенька уснула
 И спомъ бы отдохнула;

И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
 Была къ небытію влекома въ сей пустынь,
 Какъ узики иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
 Чрезъ сонъ стараются приблизиться къ кончинѣ.
 Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
 Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ
 И охраняючи несчастную супругу,
 Рѣшился прекратитъ Морфееву услугу.
 Проснулась Душенька, открыла томный взоръ....

Но, вспомнивъ свой позоръ,
 Глаза отъ свѣта отвращала,
 Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
 И камнямъ, и лѣсамъ унывно возвышала,
 Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.

»Не буду долѣ жить!

»Приди, о смерть! ко мнѣ, приди!« она вопила.
 Но смерть, хотя ее Царевна шоропила,
 Отказывалась ей по должности служишь;
 Курносо чучело, съ плюшввой головою,
 Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
 Явилась къ ней тогда съ предлинною косою,
 Но только лишь праву косить или полоть,
 Гдѣ Душенька могла спупеньки поколотъ.
 Увидѣвъ наконецъ, что смерть отъ ней бѣжала,

Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала :

«Зарѣжуся!» вскричала ;

Но не было у ней кинжала ,

Ниже какого острія ,

Удобнаго престоу несчастну жизнь ея .

Читашель вѣдаешъ, безъ всякой дальней справки ,

Что Душенька предъ симъ ,

Летя съ горы на низъ, повыпрясла булавки

Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ .

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ ,

Искала камней въ полѣ ,

И острый камень какъ нибудь

Вонзиль себѣ хотѣла въ грудь .

Казался край тогда ея несчастной долѣ ;

Нашлись остры камни тамъ ;

Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ :

Лишь только возметъ камень въ руки ,

То камень претворился въ хлѣбъ ,

И вмѣсто смертной муки ,

Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ погребѣ .

Когда же смерть опноудъ ее не хочетъ слушать ,

Хоть свѣтъ ей былъ послышъ ,

Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ ,

Ломопикъ хлѣбца скушать .

Потомъ смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна ,

На небо и на травку ,

И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она ,

Другую смерть себѣ, а именно—удавку .

Въ старинны времена
Такая смерть была почтена и честна.
У Турокъ и поднесъ за смерть блаженну ставяшъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжущъ, а удавляшъ.
Не рѣдко Визири и главные въ полкахъ,
И сами памъ Султаны,
За собшвенны свои, или другихъ обманы,
Кончаютъ свой живошъ въ ошейныхъ ослкахъ.
Хопяжъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставяшъ въ честь удавку
И смершю таковой казняхъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смершъ готовъ;
И Душенькина смерш не шла въ позоръ и въ
явку.

Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена ,
Казалась райскимъ садомъ ,
Казалось, сотворена
Для пользы, иль веселья,
И щепотно было бѣ памѣ искасть лихаго зелья.
Равно же изгнанъ былъ отъ поля всякой гадъ ,
Въ какомъ бываетъ ядъ :
И такъ не лзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ?—
По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ

Вблизи опшолъ росъ дубнякъ,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.

На Душенькѣ тогда широкой былъ плашокъ,
Которой съ бѣлыхъ плечь спускался возлѣ бокъ.
Несчастна Душенька, не въ многія минушы,

Неся на смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минушы,
Кончая скорби люпы
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ спу-
пила

И къ суку свой плашокъ, какъ должно, прицѣпила,
И въ пепілю Душенька головушку вложила.

О чудо изъ чудесъ:

Пошрялся долъ и лѣсъ!

Дубовой грубый сукъ, на чемъ она повисла,

Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ

Погнулся такъ, какъ пруть, изрозпій въ вешни
числа,

И здраву Душеньку поставилъ на правѣ;

И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,

Иль сами волею своею

Шумѣли радостно надъ нею,

И, съединяючи концы,

Свивали разны ей вѣнцы.

Одинъ лишь наглый сукъ за плащъ зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверху оспановился.

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ .

Другое чудо изъ чудесъ !

И горы вскрикнули громчае сколь возможно ,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно ;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ
Прилежнымъ взоромъ, по оправдывалъ безъ словъ;
Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ остава-
лась ,

Какъ бышностью ея Натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти родъ,
Конпорымъ чаяла окончить свой живопись.

Не могли къ дубу прицѣпиться ,

Она рѣшилась утопиться.

На случай сей рѣка

Была не далека.

Царевна съ берега крутова,
Гдѣ дно рѣки опъ глазъ скрывалось подъ водой,
На смерть пустилась снова.

Но вдругъ, пропивною судьбой,
Потѣхала она на щукъ шегардой ;
И тѣхавъ по верху опаснѣйшей дороги ,
Мочила Душенька лишь только хвосты и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой ;

Другія тупъ же щуки ,

Наукой опъ боговъ, иль просто безъ науки ,
Собравшись, какъ должно, въ строй,

Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ пущь съ плескашемъ ее препровождали.

Иные говорятъ,

Что будто въ щукахъ памъ примѣшили Наядъ,

И что Наяды, эскадрономъ,

Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.

Не знаю, правда ль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ
ономъ,

Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, нль рыбъ,

Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,

Служивъ дополь въ раю подъ счастливымъ зако-
номъ,

За Душенькою тупъ спѣшили въ слѣдъ догономъ,

Въ старинномъ ихъ спроу

Признавъ, по должності, владычницу свою,

Забывъ, что богъ прекрасна рая,

Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто пре-
обратилъ,

Служившихъ памъ, какъ бы карая,

Опшоль на волю распустилъ.

Несчастлива Душенька, сколь много ни старалась

Въ рѣчномъ пошокъ утопуть,

Но щукою неслась благополучно въ пущь,

И съ берега она къ другому добиралась.

Въ сихъ мукахъ щещно жизнь кляла

И щещно снова смерть звала;

На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единоголосно,

Что Душенька, въ бѣдахъ,

Безъ пользы и напрасно
 Стремится кончить жизнь въ водахъ;
 Что боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
 И что ее на смерть оплюдъ не примутъ воды.
 Оспался наконецъ единый смерти родъ,
 Который Душенька еще не испытала;
 Она еще себя надеждою питала,
 Что, можетъ быть, огнемъ скончаетъ свой животъ.

Вдали въ то время дымъ курился:
 Ко смерти новой путь открылся,
 И Душенька пошла на дымъ;
 И случаетъ тогда, видущимъ, иль слѣпымъ,
 Пришла къ рѣчному берегу,
 И тамъ на муравахъ
 Нашла огонь въ дровахъ,
 Къ рыбацѣву почлегу.
 Хозяинъ оныхъ дровъ,
 Престарый рыболовъ,
 Въ ладѣ своей на ловъ
 Оплылъ во оно время.
 Царевна жизни бремя
 Легко могла пресѣчь:
 Могла себя сожечь
 Въ пустомъ широкомъ полѣ,
 Въ просторѣ и на волѣ.
 Никто бъ ее извлечь,
 Никто бъ не могъ оплолъ;
 Когда бы Небеса

Отъ смершнаго часа
Ее не опдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.

Она, сказавъ ко всѣмъ послѣднія слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ попухъ,
Остался только лишь пошребный шеплый духъ,
За шѣмъ, чпобъ ножки памъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ недавно замочила.

Узръвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко: ахъ!...

Сей гласъ раздался на волнахъ;
Восколебались тпхи воды,
Всплеснулись рыбъ различни роды,
Взвернулась прижды вкругъ
Ладья у рыболова,
И все шо спалось вдругъ
Отъ Душенькина слова.

Не знаю, волею ль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладъ своей спарикъ
Назадъ спремился къ бѣгу,

Иль чудомъ вверхъ воды несло его ко берегу;
Не знаю, что попомъ сей древній въ мѣръ дѣдъ,
Взглянувъ на близъ своей повѣщи,
Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,

Пустилъ изъ рукъ рыбацки съпи ,
 Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ
 И палъ къ Царевнинымъ ногамъ,
 Хопя не вѣдалъ съ нею чуда,
 Ни кто она была,
 За чѣмъ туда пришла,
 Какимъ путемъ, откуда.

»О праопецъ земныхъ родовъ ,
 »Иль сынъ конечно праошцовъ ! «
 Царевна къ спарцу вошѣла :
 »Ты помнишь бытность всѣхъ времятъ
 »И всякихъ въ мѣрѣ перемѣтъ;
 »Скажи, какъ свѣтъ спонитъ сначала ,
 »Встрѣчалось ли когда кому
 »Несчастье, равно моему ?
 »Я рѣзалась и въ пепѣлю клалась ,
 »Гопилась и въ огонь бросалась,
 »Но, въ горькой участи моей,
 »Прошедъ сквозь огонь , прошедъ сквозь
 воду,
 »И всѣми видами смертіей
 »Приведши въ ужасу всю Природу,
 »Пропшивъ желанія живу,
 »Безсмертіе имѣю въ муку ,
 »И щещно смерть къ себѣ зову.
 »Подай свою мнѣ въ помощь руку:
 »Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ ! «

Но кпо ты? спарець спросилъ.
 »Я Душенька.... люблю Амура....«
 Пошомъ заплакала, какъ дура;
 Пошомъ, безъ дальныхъ съ нею словъ,
 Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
 И съ ней взрыдала вся Нашура.
 Пошомъ сказалъ ей пошъ же дѣдъ,
 Чпо смерти ей на свѣтѣ нѣтъ,
 Какъ шо себѣ она ни чаепъ,
 И чпо еще она не знаепъ
 Гошовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ;
 Чпо злоба гнѣвной къ ней богини
 Проникла въ самыя пущыни;
 Чпо, каждому въ примѣръ и въ страхъ,
 Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ

Уже ея вины открыты,
 И грамоны о томъ прибины
 Въ распушіяхъ и во врапахъ.
 Пришомъ старикъ рошпалъ въ слезахъ,
 Чпо злобѣ попускають боги,
 И, спрогую вина судьбу,
 Повелъ Царевну онъ къ сполбу,
 Гдѣ ближнія сошлись дороги.
 Царевна памъ сама прочла
 Прибишый листъ, въ большую мѣру;
 А чпо она въ листъ нашла,
 Скажу, по почному манеру.
 »Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,

- »И Душеньку Амуръ Венеръ въ спыдъ хвалилъ;
 »Она же Душенька румяны унижаетъ,
 »Мрачнѣе передъ собой достоинство бѣлилъ
 »И всяку красоту повсюду обижаетъ;
 »Она же, Душенька, имѣя стройный станъ,
 »Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
 »Богиню красоты не чинитъ и спаивитъ въ пѣшку;
 »Она же взорами сердцамъ шворнитъ изъянтъ,
 »Богиней ридится и носитъ хвостъ въ шри пяди:
     »Того, или инаго ради,
     »Венера каждому и всѣмъ
     »О гнѣвъ на нее своею
     »По должной формѣ извѣщаетъ,
     »И всяку милость обѣщаетъ
     »Тому, кто Душеньку на срокъ
     »Къ Венерино лицу представитъ.
     »А буде кто ее оправитъ
     »Противу силы оныхъ спрокъ,
     »Иль буде гдѣ ее укроетъ,
     »Иль поводъ дастъ укрыться ей;
     »Топъ вѣкъ вины своей не смоетъ
     »Ни самой кровію своей. «

Всплеснула Душенька руками,
 Прочія шоль грозныя слова:
 »О Боги! видите вы сами. «—
 Вопили камни и древа:
 »На шо ли Душенька жива,

»На то ль одарена красами,
 »И чѣмъ виновна передъ вами,
 »Когда родилась шакова?«

Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
 Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
 Иной брапилъ богиню злую,
 Другой сыскную драсть хотѣлъ.

Одни, изъ должности, Циперскіе пролазы
 Твердили по уграмъ о Душенькѣ приказы,
 Которы всякъ попомъ охотно забывалъ,
 И Душеньку, кто могъ, охотно укрывалъ.
 Но какъ то ни было, бояся ли пролазовъ,
 Бояся ли приказовъ,
 Водима ль спарикомъ,
 Иль собственнымъ умомъ,

Царевна наконецъ за благо разсудила,
 Просить о помощи степенѣйшихъ богинь.
 Щасливѣе она бѣ боговъ о томъ просила;
 Но съ времени, когда Амура полюбила,
 По мысли' никого въ богахъ сыскашь не мнила:
 Кто дерзокъ былъ, иль прусь, кто гордъ, иль
 глупой шпынь,
 И, можетъ быть, она въ то время находила
 Въ верховнѣйшихъ богахъ немало частъ разнѣ.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,
 Которая тогда, оставивъ небеса,
 За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.

Она могла бѣ давати несчастнымъ оборону,
 Но собственну свою тогда имѣла грусть.
 Юнону хотѣ любилъ Юпитеръ по закону,
 Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсти ;

Вездѣ по свѣту волочился,
 Былъ грубъ, былъ дикъ,
 Какъ вепрь, или быкъ,
 И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:
 И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ,
 Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился,
 И подлиннымъ дождемъ къ Данай онъ спустился,
 Забывъ опѣца боговъ, достоинство и чинъ.

Для множества такихъ причинъ,
 И, можетъ быть, за то, какъ видѣла Юнона,
 Что Душенька сама
 Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
 »Поди, сказала ей богиня вышняя прона,
 »Проси о дѣлѣ Купидона;
 »Или поди проси другихъ,
 »А мнѣ довольно бѣдъ своихъ.«

Царевна, по народной вѣрѣ,
 Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
 Въ тѣ дни собирался хлѣбъ съ полей,
 И хлѣбодатная богиня
 У всѣхъ своихъ тогда являлась алтарей:
 Тогда на всѣхъ лилась опѣй
 Щедрота, милосердіе, благосыица.

Но доступъ для сего къ Церерину лицу
 Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
 И кто къ богинѣ шелъ, для прозьбы или вопроса,
 Не могъ слышашъ быть безъ жертвы и приноса;
 А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,

И не было тогда у ней

Опцовскихъ денегъ, ни перспиней;

Возненавидѣвъ жизнь, какъ знающъ всѣ, дурила

И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.

Оспался у нее пастушій сарафанъ,

Кошорый былъ ей данъ

Разумнымъ рыболовомъ,

Чтобъ въ семь нарядъ новымъ

Укрыть ее опъ бѣдъ хопя черезъ обманъ;

Оспалась красота, о коей всѣ трубили,

Но красоты чужой богини не любили,

И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно по,

Опмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.

Жрецы тогда ее, до будущаго льта,

Опправили опшолъ безъ всякаго опвыпа.

Въ сей скорби Душенька, привыкши всѣхъ про-
 сипъ,

Минерву чаяла на жалость преклонить.

Богиня мудрости тогда на Геликонъ

Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ

О спрашномъ пѣкакомъ наклонѣ

Бродящихъ близъ земли кометъ,

Копюры долгими хвостами,
 Пугая часно робкой свѣтъ,
 Пророчили бѣды мѣстами,

И Аполлоновъ пупъ

Грозили въ міръ запнуть.

На все же, что тогда Царевна предсказывала,
 Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
 Что міръ безъ Душеньки сполятъ изъ вѣка въ вѣкъ;
 Что въ обществѣ она не важной человекъ;
 И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ,
 На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.
 Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
 Богиня та любви не вѣдала заразы:
 Со свитой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ усремлен-

ныхъ,

Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
 Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
 Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ опдаленныхъ.
 Никто не нарушалъ дополь ея забавъ;
 Еще не видѣла она Эндиміона,
 И строгостью себѣ предписанна закона
 Лишила бѣ Душеньку и милостей и правъ.

Куда идти? еще къ Минервѣ, нѣ къ Церерѣ?
 Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
 Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
 Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долині,
 Сполятъ извѣстный храмъ
 Съ надвратной надписью: »Прекраснѣйшей богини.«

Не рѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобща мать,
 Мірскихъ суешъ слагая бремя,
 Любила отдыхать.

Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко время
 Толпой спекался воздыхать.

Иные шли туда богиню прославлять,
 Другіе къ милостямъ признаніе являть,
 Другіежъ ихъ просятъ, иль просто погулять.

Въ такомъ спеченіи народа,
 Несчастлива Душенька, избравъ пишайшій часъ
 И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
 Со шрепетомъ рабы спояла подлѣ входа.

Одною лишь въ бѣдахъ

Надеждой утѣшалась,

Что можетъ быть она, хоть вольности лиша-
 лась,

Увидишь въ сихъ мѣстахъ

Съ Венерой Купидона,

И забывая страхъ

Строжайшаго закона,

Вдавалась въ сладости различныхъ лесныхъ думъ,
 Какими упоенъ бываетъ спрасный умъ.

Въ сихъ мысляхъ Душенька приблизилась ко храму,
 И тамъ задумавшись, едва не впала въ яму,

Куда отъ разныхъ жертвъ за дворъ

Смешался въ кучу всякой соръ.

Но впрочемъ всѣ мѣста казались тамо садомъ,
 И благовонная кашилась роса

На миршу, на лимонъ, на всяки дресеса,
 И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ ча-
 домъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
 Сышовая вода, кисельны берега,
 Богинѣ красоты всегда принадлежали,
 И по долинь тамъ дороги окружали.
 Издревле богъ войны
 Спрожайшій далъ приказъ, въ угодность сей богинѣ
 Чтобъ вѣчно въ шой долинь
 Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
 Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дикі звѣри
 Къ овцамъ ходили въ двери,
 И овцы, позабывши страхъ,
 Гуляли съ ними на лугахъ,
 И съ самой вольной просоптою
 Питались киселемъ съ сытою,
 На вѣки въ животь,
 Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
 Живуща тварь не убивалась,
 Насильствомъ кровь не проливалась,
 Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ,
 И вся Природа всякой частъ
 Согласіемъ сочепавалась.
 Въ средишъ сихъ луговъ,
 И водъ, и береговъ,
 Сполалъ богининъ храмъ межъ множества сполповъ.

Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ
входа :

Особо для боговъ,

Особо для народа.

Преддверія, врата, и храмъ, и алтари,

И каждая ихъ часть, и каждая фигура,

И обще вся архитектуръ ,

Снаружи и внутри ,

Изображали видъ игриваго Амура,

Иль видъ забавъ и шоржества

Властительнаго тамъ прекрасна божества ;

Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,

И всяка съ нею былъ, пріятная въ черпахъ,

Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,

Какими изнутри покрышы были стѣны.

Во внутренности тамъ различныхъ алтарей

Различны дани приносились

Опъ всѣхъ наукъ, искусствъ, художествъ и зашѣй,

И знаемыхъ, и простыхъ людей,

Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились:

Иной, желая пріобрѣсть

Любовью къ нѣкой Музѣ честь,

И данью убѣдиль любовницу скупую,

Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золошую;

Другой себѣ избравъ ,

По праву , нль безъ правъ,

Въ любовницы Палладу ,

И щася получишь лавровъ вѣнецъ въ награду ,

Привѣсимъ ко столбу
 Серебряну трубу;
 Иной, ница любви несклонившей Алкмены,
 Во храмъ распестрилъ малярной кистью стѣны.
 Но дани, прикосимы въ храмъ,
 Не по богатству, иль чинамъ,
 Могли казаться шамо ксташи;
 И часно шамъ простой паспухъ,
 Неся богинѣ въ даръ усердный только духъ,
 Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знаши.
 На среднемъ алтарѣ,
 Подъ драгоцѣннѣйшимъ опверстымъ балдахиномъ,
 Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
 Во всей порѣ,
 Во всей красѣ и въ полной славѣ,
 Въ подобной, какъ она на пѣкакой горѣ
 Явилась въ прежни дни къ Парисовой расправѣ,
 И споръ между богинь рѣшила красотой.
 Сей ликъ, казалось, былъ божественной рукой
 Изъ мрамора изсѣченъ,
 И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
 Носился въ мѣрѣ слухъ, что будто Праксипель
 Ошпуда взялъ модель,
 И, почто по примѣру,
 Представилъ въ первой разѣ во всей красѣ Венеру.
 Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не
 смѣлъ,
 Не преклоняя коленъ предъ симъ прекраснымъ
 ликомъ;

И каждый, какъ умѣлъ,
 Богинѣ гимны пѣлъ,
 Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
 Надъ храмомъ извивался рой
 Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
 Которы всякою порой
 Туда слетались опъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
 Въ лепучемъ ихъ спроу
 И пѣ при храмѣ были,
 Которые въ раю
 При Душенькѣ служили.
 Въ сей часъ они опять надъ прежней госпожой
 Въ невѣденіи летали,
 Рѣзвились и журчали;
 Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
 Подъ длиннымъ сарафаномъ,
 Для всѣхъ была обманомъ:
 Вошла во храмъ съ полною въ рядъ
 И спала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.
 Опъ робосни ль она сихъ мѣснѣ не примѣчала,
 Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
 Когда сама была богинею въ раю,
 Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
 И пѣсни и хвалы сама опъ всѣхъ слыхала,
 Сей храмъ напоследѣи за рѣдкость не считала;
 По волѣ по рѣшивъ чипашель можетъ самъ.
 Но въ храмѣ лишь едва лице свое открыла,
 Въ минушу всѣхъ глаза къ себѣ оборотила.

Возволновался храмъ,
 Умолкли гимны тамъ,
 Пресѣклись жершвъ приносы,
 И всюду слышались лишь вѣспн, нль вопросы.
 Я прежде не сказалъ,
 Чпо весь народъ Венеру
 Въ сей день по слуху ждалъ
 Изъ Пафоса въ Циперу.
 Увидяжъ Душеньку, согласно весь народъ
 Одинъ другому въ ропъ
 Шелпалъ за новы вѣспн :
 »Венера здѣсь пайкомъ!...
 »Бѣжитъ опъ всякой чеспи!...
 »Венера за столбомъ!...
 »Венера подъ платкомъ!...
 »Венера въ сарафанъ!...
 »Пришла сюда пѣшкомъ!...
 »Во храмъ вошла пишкомъ!...
 »Конечно съ паспункомъ!...«
 И весь народъ въ обманъ
 Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
 Жрецы, со мпожествомъ курящихся кадилъ,
 Воздѣвъ умильно длани,
 Просили Душеньку принять народны дани,
 И съ милостью возрѣшь
 На всяки пужды впредь.
 Въ сіе волненіе народа
 Возникла вдругъ молва у входа,

Что сущая уже богиня оныхъ мѣстѣ,
 Влеча съ собой толпы служителей на вѣздѣ
 И яблоко держа Парисово въ десницѣ,
 Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
 Въ пошъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла,
 И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.

Но кто представитъ живо,
 Въ словахъ, или чертахъ,
 Богини гнѣвъ, народный страхъ,
 И общее во храмъ диво,

И боль Душеньку, въ невинномъ поржествѣ,
 При самомъ храма божествѣ.

Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла,
 За чѣмъ туда пришла,
 И кто она была:

Большая гаснь людей опъ ней не опскавала,
 Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
 Богиня, съвъ на пронъ и скрывъ свою досаду,
 Колко скрыть могла,

Оспавила въ сей день другія всѣ дѣла

И пошъ же часъ приказъ дала

Представитъ Душеньку во внутреннюю преграду.

»Богиня всѣхъ красотъ! не съшуй на меня «—

Рекла Царевна къ ней, колына преклоня;

»Я сына твоего прельщать не умышляла:

»Судьба меня, Судьба во власъ къ нему послала.

»Не я ищу людей, а люди въ слѣпошъ

»Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.

»Сама искала я упасъть передъ побою,
 »Сама желяю я швоею быть рабою,
 »И въ милость только то прошу себѣ напредъ,
 »Чтобы всегда могла швое лице я зрѣть.«

Я знаю умыслъ швой, Венера ей сказала,

И топчасъ кончивъ рѣчь,

Съ Царевной къ Пафосу опѣхашъ предпріѣла;

Припомъ съ насмѣшкой приказала

Въ пути ее беречь.

Сажаятъ Душеньку въ особу колесницу,

Запрягши въ путь сорокъ спаницу;

А для бесѣды съ ней, какъ будпо ей чепы,

Сядяся путь же рядомъ

Чешыре Фуріи, изверженныя адомъ :

Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.

Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ

И скажемъ наконецъ, къ какимъ прудамъ она

Венерой въ Пафосъ была осуждена,

И кшо былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,

Въ умахъ напечатлѣнныхъ,

Извѣстно мщеніе боговъ,

Во гнѣвъ раздраженныхъ.

Не рѣдко сильныя, пріѣвъ на небѣ власть,

Безсплыныхъ поборали,

Чернили и марали,

И все, что только бы могло предъ ними пастъ,

Ногами попирали.

Въ счастливѣйшихъ вѣкахъ

Конечно нѣтъ примѣра

Такому мщению, какое, всѣмъ во снрахъ,

Противу Душеньки умыслила Венера!

Умыслила свою умножить красоту,

А Душеньку привести, сколь можно, въ дурнопу,

Чтобъ всѣ опъ Душеньки впоследствии отвраща-
лись

И только бы тогда Венерою прельщались.

Не знаю, въ первый день, иль лучше въ первую
ночь,

Довольная своею жертвой,

Богиня въ мщениі послала Царску дочь

Принесъ чрезъ при часа воды живой и мертвой.

Извѣстенъ весь народъ

О дѣйствіи оныхъ водъ:

Опъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ;

А опъ другой попьетъ, здоровье пошеряетъ;

Но въ семь пущи никто не возвращался живъ.

Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прицѣпивъ

Подъ плечи два кувшина,

Пошла безъ дальна чина,

Пошла на всѣ пруды,

Искавъ таковой воды.

Куда? и кто въ пущи ей будетъ провожаемымъ?

Амуръ во всѣ часы ея напасши зрѣлъ,

И потчасъ повелѣлъ

Своимъ слугамъ крылашымъ
 Поднятъ и перенесъ Царевну въ шощъ удѣлъ,
 Гдѣ всяки воды прошекаютьъ,
 Мершвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
 Зефиръ, который шупъ по склошности прильнулъ,
 Царевнѣ на ухо шепнулъ,
 Чшо воды окружаетъ
 Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ
 кольцомъ,
 И никого опниодъ къ водамъ не допускаетъ,
 Какъ развѣ кто его забавитъ пишьецомъ.
 Припомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
 Которую велѣлъ, являсь пуда съ опвагой,
 И змѣю рѣчь сказавъ, въ горшанъ ему вопкнулъ.
 Когда же пастъ свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
 И голову съ хвостомъ въ шо время разодвинетъ,
 То Душенька найдетъ себѣ свободный пупъ,
 Живую ль, мершвую ль водицу почерпнущъ.
 Зефиръ лишь шо сказалъ, Царевна пупъ скончала:
 Явилася у водъ,
 И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала,
 Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

»О змѣй Горынничъ, Чудо-Юда,
 »Ты сытъ во всяки времена,
 »Ты ростомъ превзошелъ слона,
 »Красою помрачилъ верблюда,
 »Ты всяку здѣсь имѣешь власъ,

»Блестнишь златыми чешуями,
 »И смѣло разѣваешь пасть,
 »И можешь всѣхъ давишь когитами:
 »Содѣлай край моимъ бѣдамъ,
 »Пуспи меня, пуспи къ водамъ.«

Хвалы и пишулы плѣняють всяки уши,
 И движущся опѣ нихъ жестоки самы души.
 Услышавъ похвалы опѣ женскаго лица,
 Пришомъ склоняся ко сласти пищеца,
 Горыничъ пасть разинулъ,
 И голову съ хвостомъ при пойлъ разодвинулъ:
 Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды,

И разны къ нимъ слѣды.
 Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
 Конечно Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
 Она, въ свободѣ шамъ попивъ живой воды,
 Забыла всѣ свои дорожные пруды,

И вдругъ здоровѣй стала.

Писатели гласятъ,
 Что Душенька тогда, съ водой являсь назадъ,
 Въ опмѣнной красотѣ, какъ роза, процвѣтала,
 И предъ Венерою, какъ солнце, возблистала,
 И будто бы тогда богиня умышляла
 Заставить Душеньку лихую воду пить;
 Но, просто случаемъ, иль чудомъ, можешь
 бытъ,

Кувшинъ съ лихой водой разбился,
 И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
 Что помощь Душенька имѣетъ опъ Небесъ,
 Или, починѣй сказать, опъ самаго Амура;

Но какъ извѣстно было ей,

Что пагубой людей

Обилуетъ Натура,

Послала Душеньку еще въ другой походъ,
 Въ надеждѣ, что она скончаетъ пѣмъ живопись,
 Или, хопъ будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Геспериды,

Чишатель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
 Злашья яблоки, иль просто злашовиды,
 И сей чудесный садъ Драконы сперегли.

А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Апласа,
 Жила напоследѣ Царевна Перекраса.

Попомству всѣ ея невѣдомы дѣла,

Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
 Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня, иль Царица,

И въ сказкахъ на Руси слыла,

Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.

О красотѣ ея имѣетъ весь народъ

Изъ повѣстей доводъ:

Злашья яблоки она всѣдневно ѣла;

Извѣстно, что опъ нихъ красѣла и добѣла.

Но, ради спраховъ шамъ и шрудностей дорогъ,
 Коснушь къ яблокамъ никто другой не могъ.
 Хопъ не было тогда Драконовъ шамъ, ни змѣя;
 Однако садъ сей былъ подъ спражею Кащея,

Который самъ, какъ спражъ, пѣхъ яблокъ не
вкусалъ,

И никого опинодъ ихъ ѣсть не допускалъ.

А естли приходилъ кто яблокъ пѣхъ покушать,

Въ началѣ долженъ былъ его загадки слушать;

Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,

Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать.

Венера, вѣдая сихъ спрогихъ мѣстъ законы,

По конмъ властвуютъ Кащей, или Драконы,

Послала Душеньку не жить, а умирать,

Чпобъ яблокъ пѣхъ достать.

Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?

Зефиръ,—она его успѣла лишь назвать,

Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу;

И чпобъ холодный вѣпръ не могъ ее встрѣчать,

Пуснимся съ ней въ сей путь по Югу;

Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать,

И какъ на всѣ слова Кащею отвѣчать;

Потомъ подъ яблоныю подставилъ шолько полу,

Въ то время яблоки скапящся сами къ долу,

И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,

Съ добычею летѣть назадъ,

И яблокъ золопыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый
часть,

Явилась Душенька къ Кащею взять приказъ.

Поклонъ, какъ должно, сошворила,

Какъ должно, рѣчь проговорила;

Но свѣту рѣчи сей,
 Ниже того, что ей
 Загадывалъ Кащей,
 Она не сообщила.

Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
 Что службу Душенька вторую сослужила;
 Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла
 И горшія себѣ напасіи навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ богинѣ
 Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
 Велѣвъ искасть самой во адѣ себѣ пупи,
 И нѣкакой опшоль горшечикъ принести.
 Припомъ нарочно ей Венера наказала,
 Горшечка чѣмъ она опшюдь не открывала.
 Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
 Зефиръ, скорый стрѣлы спустился паки въ свѣтъ,

И ей полезный далъ совѣтъ
 Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.
 Въ лѣсу, онъ ей сказалъ, представится избушка,
 А въ той избушкѣ ей представится старушка,
 Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
 Покажетъ впослѣдн въ избушкѣ уголокъ,
 Опшоль покажетъ внизъ ступени,
 По коимъ въ адѣ низходятъ пѣны;
 И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
 Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
 А къ безопасности опъ спреховъ, потъ же часть

Откроетъ на показъ
 Свою прекрасну ногу,
 И можешь впоследн безспрашно говорить
 Съ Плушономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
 Письмо вручишь,
 Горшечикъ получишь
 И службу надлежащимъ рядомъ
 Исправно совершишь.

Послѣдую сему закону,
 Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
 Нашла подземный сходъ, спутила девять краѣвъ,
 Сошла поспѣхъ во адъ,
 Явилась ко Плушону.

Возволновался мрачной край,
 Не ждавъ посольства отъ Веперы;
 Тризѣвны въ шаршаръ Церберы
 Разпроспранили спрашний лай.
 Но Душенька, въ сію превогу,
 Едва открыма только ногу,
 Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
 Церберы переспали лаять,
 Замерзлый шаршаръ началъ шаять;
 Подземна царства темный Царь,
 Который возлѣ Прозерпины
 Дремалъ съ надеждою на слугъ,
 Смутился пишиною вдругъ:
 Возвысилъ вкругъ бровей морщины,

Сверкнулъ блиспаньемъ ярыхъ глазъ ,
 Взглянулъ . . . начавши рѣчь, запнулся,
 И съ роду первой разъ
 Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ полъ сильную посольску полну мочь ,
 Какую при письмѣ казала Царска дочь,
 А паче на нее воззрѣніе Плутона ,

Богиня адска трона
 Велѣла ей скорѣй пресѣчь
 Пристойную на случай рѣчь ;
 И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
 Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратпо.

Царевна наконецъ могла бы какъ нибудъ
 Окончить счастливо и новый оный путь ;

Но другъ ся Зефиръ сначала,
 Какъ видно, бѣдъ не предузналъ ,
 И ей особо не сказалъ,
 Чпобы горшечка не вскрывала.

Царевна много разъ
 Въ горшечикъ посмотреѣть въ пупи останавлилась,

И въ потъ же самый часъ
 Желанію сопровивлялась.

Напоследѣ смотря и въ спороны и въ слѣдъ ,
 И до двора уже немного не дошедъ,
 Венеры заповѣдъ, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла ,
 Открыла кровельку, въ горшечикъ посмотреѣла.

Отшуда, случаемъ лихимъ ,

Внезапно вышелъ черный дымъ.
 Сей дымъ, за сильной густотою,
 Зефиры не могли ощутъ;
 И бѣлое лице, и вскрыта бѣла грудь,
 У Душеньки тогда покрылись чернотою.
 Она старалась нымъ плапкомъ съ себя спирать;
 Но чѣмъ при преніи прудилася сильнѣе,
 Тѣмъ дѣлалася чернѣе,
 Какъ будпо бы свой видъ прудилася марасть.
 Надѣялась попомъ, хоть какъ нибудь водою
 Прошедшую себѣ доставить красоту,
 Но, чудною бѣдою,
 Прибавила еще, обмывшись, чернопу;
 И къ покамъ чистыхъ водъ хопя лице склонила,
 И чернопу свою хопь много разъ купала,
 Смотрясь въ водахъ попомъ, увѣрила себя,
 Что темнотью она была подобна сажѣ;
 Иль просто, пакъ сказашь, красу свою стубя,
 Была Араповъ гаже.

Въ семь видъ Царска дочь
 Спыдилася всякой встрѣчи,
 И слыша всяки рѣчи,
 Опъ всѣхъ бѣжала прочь.
 Для бѣлыхъ рукъ ея въ народѣ вышла сказка,
 Чпо будпо бы она панлась опъ людей,
 И будпо бы на ней
 Была лишь только маска.

Иные, ей въ посмѣхъ,
 Давали спиранный образъ дѣлу,
 И увѣряли всѣхъ,
 Чшо боги, будшобъ ей за грѣхъ,
 Арапску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
 Проспой же весь народъ,
 Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой,
 Дивился въ ней еще собранію красотъ,
 И зналъ ее тогда прекрасной Африканкой.

Но Душенька, сей видъ
 Себѣ имѣя въ спыдѣ,
 То шею, то лице плапчомъ закрывала,
 И въ горести тогда, куда идиши, не знала:
 Идиши ли ей попомъ, на смѣхъ и на позоръ,
 Обращно въ домъ къ Венерѣ,
 Или къ роднымъ во дворъ?
 Но можешь ли ихъ взоръ
 За почну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
 Осталось только ей сокрыть себя тогда
 Въ какой нибудь пещерѣ,
 Гдѣбъ люди никогда
 Ея толъ горькаго не видѣли спыда,
 И шамъ зарыть себя живую,
 Чшобы скорѣе пѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокоснѣ золъ подобно ощущалъ,
 Онъ всѣ ея бѣды нль видѣлъ, или зналъ.
 Но для чего ее ославилъ онъ безъ спражи,
 Когда она несла горшечикъ адской сажн?

Читатель сей вопросъ рѣшить конечно самъ:

Угодно было такъ Судьбамъ,
 Угодно было такъ Венерѣ,
 Чтобъ Душенька была черна,
 Чтобъ Душенька была дурна
 И крылась опъ людей въ пещерѣ.
 Амуръ опверженъ былъ въ Циперѣ,
 И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
 Бѣдъ нарочно попустилъ,
 Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,

Котора Душеньку могла привести ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
 Повсюду міръ шумѣлъ

О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
 О всѣхъ ея примѣсахъ.

Дошла впослѣдокъ вѣспѣ,
 Чрезъ слухъ, иль какъ ни еспѣ,
 Къ сеспрамъ ея коварнымъ,

Что Душенька въ раю съ супругомъ лучезарнымъ
 Не долго прожила;

Что изгнана опшоль за нѣкаки дѣла,
 И что напослѣди, скипаяся безъ дѣла,
 Изсохла, подурнѣла
 И спрашно почернѣла.

Онѣ устроили на случай торжество,

И громко всѣмъ трубили,

Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили

И что за то ее караетъ божество.

Превращимъ разумахъ любви существо
Не вѣдомо и спрашно.

Сестры Царевны сей,
Навлекши скорби ей,

И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно,
Опшюдь не мыслили во мракъ клеветы,
Чпобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напасями Царевны отвлечень,
Спремилъ спараніе къ единому лишь виду,
Чпобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ, сколь можно,
облегченъ,

Какъ будто бы забылъ ошъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратился ихъ наглость имъ же въ казнь.
На торжество сихъ сестръ нарочнаго опсправилъ,
Который ошъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ;
Благодаря пришомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаеть
И съ неперпвнїемъ увидѣтъ ихъ желаетъ,

И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,

Чпобы ошъ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ предспавишся ихъ взору,
Опшуда бросилися въ ровъ;

И что потомъ Зефиръ минушты не упратишъ,
Тошчасъ летящихъ ихъ подхвапишъ,
Помчишъ на верхъ въ небесный край,
И прямо поспановишъ въ рай:

А тамъ Амуръ явишъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взяти обѣихъ ихъ въ супруги.

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
 Сестры Царевнины отъ радости вскружились ;
 Скорѣй коней велѣли впредъ ,
 Въ богаты платья нарядились ;
 Не прочли бѣллы, ни мушекъ, ни румянъ,
 Опрыскались водами,
 Намазались духами ,
 Хулили Душеньку за дерзость и обманъ ,
 Осправились къ горѣ, и тамъ, съ крупной вершины,
 Спышили броситься въ стремнины.
 Но ихъ Зефиръ попомъ на верхъ не подхватилъ,
 А дулъ, какъ видно, только въ пыль ;
 И въ райское онъ жилище не попали ,
 Лишь только головы себѣ, леща, сломали.

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный богъ
 Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
 Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась,
 И свѣдавъ, что она
 Отъ всѣхъ удалена ,
 Въ среднѣ горъ скрывалась ,
 Донесъ богамъ о томъ сполна :
 Донесъ, что Душенька была уже черна,
 Суха, худа, дурна ;
 И упросилъ тогда смягченную Венеру ,
 Чпобъ было наконецъ дозволено ему,
 Открыто самому,
 Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился погда его очамъ
 Предметъ любви. поспоянной?
 Несчастлива Душенька, въ печали несказанной,
 Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта памъ.

Чипатель долженъ знапіъ сначала,
 Что Душенька погда лежала;
 Но бокомъ, или ничкомъ,
 Спала, или дремала,
 Не вѣдаю о томъ

И не хочу искапіъ свидѣтельства для вѣры;
 Лишь знаю, что она лежала на фатъ

У входа сей пещеры,
 Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
 А часть оставшая являлась въ красотѣ
 На зрѣлище предъ входомъ,
 И бытъ погда могла признакомъ и доводомъ,
 Когда бъ любовный богъ

О точности вещей имѣтъ сомнѣнье могъ.
 Зефиры видѣли и свѣту возвѣспили,
 Что Душеньку Амуръ издалика узналъ,
 П. руку у нее, подшевши, цѣловалъ;
 Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.

Прѣснувшись Душенька погда,
 Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
 Уйши въ пещеру поропилась,
 И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
 Невѣдомо въ какихъ словахъ;

А только въдомо всему земному кругу
 Взаимное опъ нихъ прощеніе другъ другу
 Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ попомъ, при всей свободѣ ,
 Велѣлъ публиковать въ народъ
 Старинну грамошу, копору самъ Зевесъ,
 Въ упѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ;
 И всюду слово въ слово

Та грамоша тогда пвердилася за ново :

»Законъ временъ шворитъ прекрасный видъ ху-
 дымъ ,

»Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ
 дымъ,

»Но красоту души ничто не измѣняетъ :

»Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.«

Слова сін Амуръ пвердя повсюду самъ,
 Предспавиль грамошу Венеръ и богамъ,
 А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку предспавиль ,
 Копору въ черношъ дурною онъ не спавиль.

Юпитеръ, покачавъ

Разумной головою,

Амуру далъ успавъ,

По силѣ старыхъ правъ ,

Чтобъ въкъ плѣнялся онъ душевной красопою ,

И Душенька была бъ всегда его чешою.

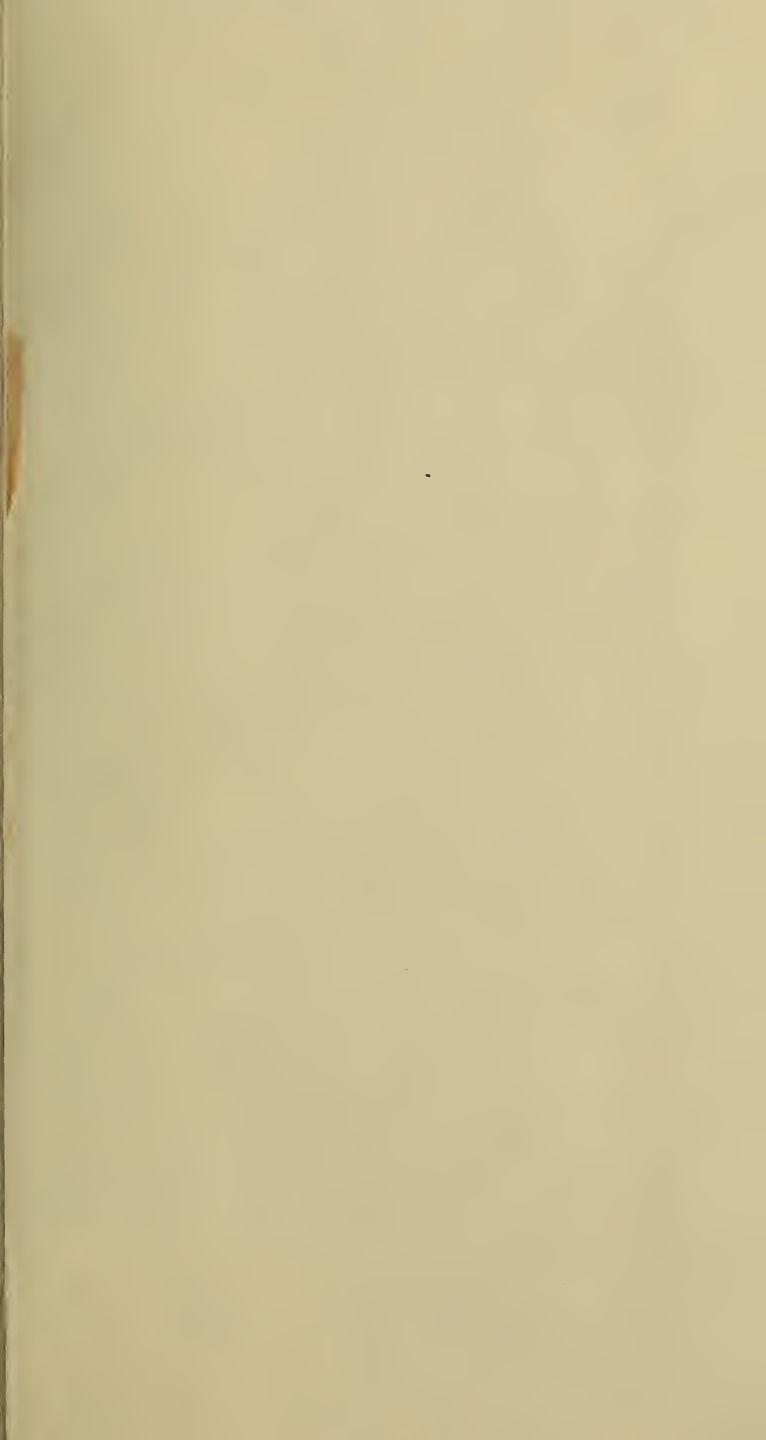
Сама богиня красошы ,

Изъ жалосии тогда, нль нѣкакой щецеты,

Какъ то случается обычно,
 Нашла за должно и прилично,
 Чшобы ея сноха,
 Терпѣиємъ своимъ очистясь отъ грѣха,
 Наружну красоту обрапно получила:
 Небесною она росой ее умыла,
 И спала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
 Какъ прежь сего была.
 Амуръ и Душенька другъ другу равны спали,
 И боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочепали.
 Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ, какъ
 мать ;

Но какъ ее названъ,
 Въ Россійскомъ языкѣ писатели не знаютъ.
 Иные дочь сію Упѣхой называютъ,
 Другіе Радостью, и Жизнью наконецъ ;
 И пускъ, какъ хочеть, всякъ мудрецъ,
 На свой зоветь ее особый образецъ.
 Не премѣняется названіемъ Напура.
 Чинашель знаетъ то, и знаетъ весь народъ ;
 Каковъ родившся долженъ плодъ
 Отъ Душеньки и отъ Амура.

К О Н Е Ц Ъ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
Went Quillex Bound

